

СОСНУЯ

ОШО

**Псевдоличность, в которую
ты облачен, – ложь, игра.
Будь обыкновенным, в этом
кроется огромная тайна.*

Ошо

[О ЛИЧНОСТИ*}

КНИГА ЭГО

Бхагаван Раджниш (Ошо)
О Личности. Книга эго

«София Медиа»

2000

УДК 294.3(31)
ББК 87.4

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

О Личности. Книга эго / Б. Ш. Раджниш (Ошо) — «София Медиа», 2000

ISBN 978-5-906791-96-2

Невозможно коротко сообщить читателю, о чем расскажет находящаяся у вас в руках очередная книга Ошо. О чем бы она ни была – дело не в словах. Перед вами – чистая энергия, облеченная в слова, строки, главы... Впитывайте ее... «...Искателю истины следует начинать с этой отправной точки: что бы ни внушило тебе общество о том, кем ты являешься, отбрось это. Кроме тебя, никому не дано проникнуть в тайну твоего существа. Никто не ведает ничего о тебе; что бы они ни твердили о тебе – все ложь. Ты волен выбирать: либо фрустрация, страдание, нищета – и тогда продолжай цепляться за свое эго, подпитывай его. Либо умиротворение, безмолвие, благословение – но тогда тебе придется вернуть свою невинность».

УДК 294.3(31)

ББК 87.4

ISBN 978-5-906791-96-2

© Раджниш (Ошо) Б. Ш., 2000

© София Медиа, 2000

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

О личности: Книга эго

Osho

The Book of Ego

Copyright © 2000 Osho International Foundation, Switzerland,

www.osho.com

© «София», 2005

© ООО Издательство «София», 2005

Предисловие

Простое не бросит вызов человеческому эго, трудное – вот вызов, невозможное – поистине великий вызов. Размер твоего эго определяется тем вызовом, который ты принял, твоими амбициями, – эго измеримо. А простое непривлекательно для эго, простое несет ему смерть.

Однако человек выбрал сложности даже там, где они вовсе не нужны, по той просто причине, что сложности позволяют растить и питать его *эго*. Он завоевывает все большее влияние в политике, в религии, в обществе – везде, куда ни глянь.

Все усилия психологии направлены на укрепление эго. Даже эти глупцы, психологи, подчеркивают: человеку не обойтись без мощного эго. Поэтому воспитание нацелено на то, чтобы путем наказаний и поощрений культивировать в тебе амбиции, подталкивать тебя в нужном направлении. Твои родители возлагают на тебя огромные надежды с самого рождения. Они думают, что у них родился Александр Македонский или что их дочь – не иначе как перевоплощенная Клеопатра. Родители с пеленок приучают тебя к мысли: если ты не заявишь о себе, то грош тебе цена. Простого человека все считают простофилей.

До этого момента человеческое общество не задавалось целью вырастить простого человека. Но простой человек и не может быть *целью*, ведь ты и так рожден простым! Каждый ребенок прост – он чистый лист. Но со временем родители не оставляют на нем пустого места – составляют перечень того, чем их дитя должно стать. А после учителя, священники, лидеры – все в один голос твердят, что ты должен стать кем-то, иначе – конец, твоя жизнь потрачена впустую.

Только верно как раз противоположное.

Ты уже есть. Нет нужды становиться кем-то еще. В этом смысл простоты: с легкостью принимать себя таким, какой ты есть, не пытаясь стать кем-то, – путь становления бесконечен.

Не будет такого момента, когда бы ты почувствовал: «Все, мое путешествие окончено. Я достиг предела своих мечтаний». Никому за всю историю человечества еще не удавалось сделать подобного, и все потому, что человек движется по кругу. И кто-то непременно обойдет тебя в том или ином деле.

Можно стать президентом Америки, но рядом с великим Мохаммедом Али ты будешь слабаком. Ты не наделен такой животной силой. Мохаммед Али может так заехать Рональду Рейгану по физиономии, что тот распластается по земле. Можно стать премьер-министром страны, но в сравнении с Альбертом Эйнштейном ты будешь пигмеем – никаким не премьер-министром, а полным ничтожеством.

Жизнь имеет множество измерений. Невозможно состояться во всем и быть во всем первым. Это из области невероятного, в бытии все устроено иначе.

Эго – болезнь человека.

Крупным капиталам выгодно, чтобы эта болезнь оставалась неизлечимой. Они не желают, чтобы ты исцелился, обрел целостность, ибо это несет угрозу их интересам. Поэтому никто не хочет быть простым, никто не хочет быть никем. Все мои усилия устремлены к тому, чтобы ты был в ладу с собой, чтобы ты принимал свое естество.

Становиться – это недуг, быть – исцеление. Но быть простым, целостным, здоровым, блаженным – а тебе этот вкус неведом. Твое общество ни на миг не позволяло остаться тебе наедине с собой, потому тебе известен лишь один путь: путь эго.

Тебе говорили: стань Иисусом Христом. Некоторые общества призывают каждого стать богом. Безумный мир! Освободись от всяческих программ подобного рода. Если ты хочешь испытывать радость, покой, умиротворение и наслаждаться красотой бытия, от этой фальшивки, эго, нужно избавиться.

Я не хочу ничего тебя лишать. Я только хочу избавить тебя от эго, тем более что оно – просто иллюзия. Оно не является реальностью, так что на самом деле я ничего и не отбираю у тебя. Взамен я хочу дать тебе твое естество. Хотя и давать ничего не нужно: оно уже у тебя есть! Тебя просто следует встряхнуть, чтобы ты пробудился и изведal великолепие невинности.

Ты ничем не рискуешь. Но сейчас ты гонишься за тенью, которую тебе никогда не догнать, и забываешь обо всех сокровищах, принесенных с собою в этот мир. Прежде чем твое эго насытится, тебя настигнет смерть. Жизнь слишком коротка, чтобы жертвовать ею ради дурацких игр эго.

Тебе нужно всего лишь понять это.

«Death to Deathlessness», глава 6

Глава 1

Эго

Что такое эго?

Эго – это полная противоположность твоей истинной сущности. Эго – это не ты. Эго – ложь, порожденная обществом с целью не дать тебе забросить игрушку и переключиться на вопросы об истинных вещах. Потому я убежден: пока ты не отбросишь эго, тебе не постичь своей подлинной природы.

От рождения ты обладал аутентичностью. Но вскоре за твое «Я» взялись как следует: ты – христианин, католик, белый, немец, представитель избранной Богом расы, ты должен править миром, и так далее, и тому подобное. Тебе навязывают ложное представление о том, кем ты являешься. Тебе дают имя, а вокруг этого имени возводят гору амбиций и обусловленности.

И так шаг за шагом – ведь на это уходит почти треть твоей жизни, – твое эго обрабатывается стараниями школы, церкви, колледжа, университета...

И к моменту окончания университета ты полностью теряешь свою невинную сущность. Теперь ты – огромное эго, увенчанное золотой медалью, первоклассностью, званием лучшего студента. Теперь тебя можно выпускать в мир.

У этого эго имеются все желания, амбиции, оно стремится быть лучшим во всем. Ты попадаешь в рабство к собственному эго. И это не позволяет тебе увидеть проблески твоей подлинной сущности, – а ведь твоя истинная жизнь – там, в твоей аутентичности. Потому эго порождает лишь нищету, страдания, борьбу, фрустрацию, сумасшествие, суицид, убийство – все виды преступлений.

Искателю истины следует начинать с этой отправной точки: что бы ни внушило тебе общество о том, кто ты есть, отбрось это. Ты определенно не можешь быть таким, – а ведь никто не может знать этого, кроме тебя самого: ни твои родители, ни учителя, ни священники. Кроме тебя, никому не дано проникнуть в тайну твоего существа. Никто не ведает ничего о тебе; что бы они ни твердили о тебе – все ложь.

Отбрось все. Разрушь эго до основания! Уничтожив эго, ты откроешь свою сущность. И это открытие – единственно возможное величайшее открытие, ведь с него начинается тотально новое путешествие к высшему благословию, к вечному бытию.

Ты волен выбирать: либо фрустрация, страдание, нищета – и тогда продолжай цепляться за свое эго, подпитывай его. Либо умиротворение, безмолвие, благодать – но тогда тебе придется вернуть свою невинность.

Дитя не рождается с эго.

От рождения ребенок не наделен эго. Эго взращивается обществом, религией, культурой. Вам наверняка доводилось наблюдать за детьми: они не говорят «Я хочу есть». Если ребенка зовут Боб, он скажет: «Боб хочет есть. Бобу нужно в туалет». У него отсутствует чувство «я». Он обращается к себе в третьем лице. Боб – это то, как его называют другие, поэтому он тоже называет себя Бобом. Но настанет день... по мере взросления вы станете учить его, что так – неправильно. «Бобом тебя могут звать другие, а ты не должен так себя называть. Ты – отдельная личность, привыкай называть себя „я“».

В тот день, когда Боб становится «я», он утрачивает реальность бытия и падает в бездонную пропасть галлюцинаций. Стоит ему только назвать себя «я», как тут же приходит в

движение энергия иного качества. Теперь это «я» хочет расти, оно хочет стать огромным; оно желает того, желает этого. Ему требуется подниматься все выше и выше в мире иерархий. Оно жаждет большего пространства властвования.

Если чье-то «я» больше твоего, у тебя возникает комплекс неполноценности. Ты прикладываешь все усилия, чтобы стать значительнее-чем-он, святее-чем-он, больше-чем-он. В итоге вся твоя жизнь кладется на алтарь одной-единственной глупости – того, чего тебе не достает в первую очередь. Ты встаешь на иллюзорный путь. И ты пойдешь по нему, раздувая свое «я» все больше и больше. Так порождаются практически все твои проблемы.

Даже у Александра Македонского были немалые проблемы. Его внутреннее «я» стремилось завоевать весь мир, что почти ему удалось. Я говорю «почти» по двум причинам. В те времена на половину территорий Земли еще не ступала нога первооткрывателей, об Америке еще даже не слышали. Во-вторых, Александр Македонский добрался до Индии, однако завоевать ее не смог; он вернулся назад, дойдя лишь до ее границ.

Он не был стар – в свои-то тридцать три. Но все эти тридцать три года он только то и делал, что сражался. Его одолели болезни и усталость от сражений, расправ, убийств, кровопролития. Ему хотелось вернуться домой и отдохнуть, но даже этого сделать ему не удалось. Он не смог добраться до своего дома в Македонии. Он скончался за день до прибытия туда, хотя до Македонии оставалось всего двадцать четыре часа пути.

Но опыт всей его жизни – приумножающееся богатство, влияние, могущество и последующая крайняя беспомощность, неспособность даже оттянуть собственную смерть на двадцать четыре часа... А ведь он дал обещание матери завоевать весь мир и положить к ее ногам в качестве подарка. Ни один сын не делал ранее подобного для своей матери, и потому его намерения казались чем-то абсолютно неслыханным.

Однако он чувствовал себя беспомощным, несмотря на то что был окружен лучшими докторами. Все они говорили: «Тебе не выкарабкаться. Двадцать четыре часа пути... Ты не протянешь. Лучше отдохнуть здесь, возможно, еще есть шанс. Но не двигайся. Мы не очень-то уповаем и на отдых, – ты идешь ко дну. Ты уже близко, но не к дому – к кончине; не к своему дому – к своей могиле».

«А мы – бессильны. Мы можем лечить болезни, но не смерть. Ты не болен. Ты подобен использованному картриджу. В свои тридцать три ты растратил весь запас энергии в сражениях то с одной, то с другой нацией. Ты израсходовал свою жизнь. Это не болезнь, ты просто растратил запас жизненной энергии, и растратил впустую».

Александр славился недюжинным умом. Он был учеником одного из величайших логиков и философов, Аристотеля; Аристотель лично его наставлял. Он умер, так и не дойдя до столицы. Перед смертью он сделал распоряжение своему главнокомандующему: «Это моя последняя воля – она непременно должна быть исполнена». Что же он повелел? Весьма странную вещь. Александр распорядился: «Когда меня будут провожать в последний путь, пусть мои руки останутся снаружи и свисают из гроба».

Главнокомандующий спросил: «Что это за желание такое? Рукам всегда положено оставаться внутри гроба. Никто никогда не слышал о том, чтобы руки усопшего торчали наружу!»

Александр ответил: «У меня нет сил на объяснения, но если вкратце, то я намерен показать миру, что ухожу с пустыми руками. Я всегда думал, что становлюсь все значительнее, богаче, но на самом деле становился только беднее. При рождении я явился этому миру со сжатыми кулаками, словно что-то держал. Сейчас же, стоя на пороге смерти, я не могу даже уйти, сжав кулаки».

На то, чтобы сжать кулаки, требуется жизненная сила, хоть немного энергии. Ни единому мертвецу не удавалось держать руки сжатыми в кулак. Кто их сожмет? Покойный уже отошел, вся его энергия улетучилась – и руки разжимаются сами собой.

«Пусть все знают, что Александр Македонский уходит с пустыми руками, словно нищий».

Однако я что-то не вижу, чтобы хоть кто-то воспользовался этим уроком пустых рук, – поколения, живущие после Александра, до сих пор поступают все таким же образом, каждый в своей манере.

Эго человека становится источником всех его проблем, всех войн, всех конфликтов, зависти, страха, депрессий. Чувство собственной никчемности, подпитанное постоянным равенством на других, приносит всем страдания, – и страдания огромные, – ведь невозможно иметь все.

Кто-то более красив, чем ты, – это больно; у кого-то больше денег, чем у тебя, – это больно; кто-то более эрудирован, чем ты, – это тоже мучительно. Найдется миллион вещей, способных причинить тебе страдания, но чего ты не знаешь – так это того, что не сами эти *вещи* делают больно, – они ведь не причиняют боли *мне*. Они становятся источником страданий для тебя из-за твоего эго.

Эго постоянно дрожит от страха, прекрасно зная, что оно – подделка, искусственный прием, изобретенный обществом, дабы заставить тебя метаться, охотиться за тенью.

Эта игра эго, достигая все больших и больших высот, становится политикой.

Эго и все его игры... брак – его игра, деньги – его игра, власть – его игра. Все игры – это игры эго. Общество по сей день продолжает вести игры, всемирные непрекращающиеся Олимпийские игры. Каждый пробивает себе путь наверх, а все остальные пытаются его одурачить – ведь на вершине Эвереста не хватит места всем.

Развивается конкуренция не на жизнь, а на смерть. И ты так проникаешься ее важностью, что полностью забываешь: эго в тебе взрастило общество, учителя. С самого детского сада до университета – что они делали? Укрепляли в тебе эго. Все больше степеней прибавлялось к твоему имени, давая тебе почувствовать себя все весомей и значительней.

Эго стало величайшей ложью – но ты принял ее как истину. Однако эта ложь крайне выгодна: стоит всем вкусить беззастенчивости, как эта всемирная Олимпиада попросту накроется. Никто больше не захочет взбираться на Эверест, все станут наслаждаться тем, где находятся в данный момент. Все исполнятся радости.

Эго держит тебя в ожидании: завтра, когда ты преуспеешь, ты сможешь радоваться. А сегодня, разумеется, ты должен страдать, ты должен жертвовать. Если хочешь преуспеть завтра, сегодня тебе следует жертвовать. Ты должен заслужить успех, и для этого ты и проделываешь разные выкрутасы. Страдание – это всего лишь вопрос недолгого времени, а потом наступит праздник.

Но обещанное завтра никогда не наступает. Еще ни для кого не наступило.

Завтра попросту означает то, что не случается никогда. Это откладывание жизни на потом. Это великолепная стратегия, позволяющая держать тебя в плену страданий.

Эго не может радоваться в настоящем. Оно не способно существовать в настоящем; оно обитает лишь в будущем либо в прошлом, – которых нет. Прошлого уже нет, будущего еще нет; и то, и другое – несуществующие вещи. Эго может уживаться только с несуществующим, ведь оно само не существует.

В настоящем, чистом мгновении ты не обнаружишь в себе эго – только безмолвную радость и чистую безмолвную пустоту.

«The False to the Truth», глава 18

Представление об отделенном центре – корень эго.

Корнем эго является представление об отделенном центре. Ребенок рождается, не имея своего собственного центра. Девять месяцев в утробе матери он живет, используя материнский центр как свой собственный; он един с матерью. Затем он рождается. Теперь ему лучше считать, что у него имеется отдельный центр – иначе жизнь станет слишком трудной, почти невозможной.

Для того чтобы вести борьбу и выжить в жизненной битве, каждый из нас нуждается в некоем представлении о том, кем мы являемся. Но ни у кого его нет. На самом деле никто не может иметь подобного представления, ведь глубоко внутри ты – тайна. Ты не можешь ничего о ней знать. В самом центре своего существа ты не принадлежишь себе, ты принадлежишь Вселенной.

Поэтому, если спросить Будду «Кто ты?», он будет хранить молчание, он не ответит. Он просто не сможет ответить, ведь он больше не разделен. Он – целостен. Однако в обычной жизни даже Будда вынужден прибегать к слову «Я». Если он испытывает жажду, ему придется сказать «Я хочу пить. Ананда, принеси мне воды, меня мучает жажда». Он продолжает употреблять старое значимое слово «я». Оно весьма содержательно; даже являясь выдумкой, оно все равно значимо. Многие из выдумок значимы.

К примеру, у тебя есть имя. Это – вымысел. Ты пришел в мир, не имея имени, ты не принес его с собой, тебя наделили им. Затем, после длительного повторения, ты начинаешь отождествлять себя с этим именем. Но оно – вымысел.

Однако, когда я называю что-либо вымыслом, я не имею в виду, что это бесполезно. Это необходимый вымысел, от него есть толк, иначе как ты будешь обращаться к людям? Если ты хочешь написать кому-то письмо, кому ты его адресуешь?

Маленький мальчик написал однажды письмо Богу. Его мать была больна, отец умер, и жить им было не на что – вот он и попросил у Бога пятьдесят рупий.

Когда его письмо попало на почту, сотрудники почты пришли в замешательство – что делать с этим письмом? Куда его отправлять? Ведь оно было адресовано Богу. И они его вскрыли. Проникнувшись жалостью к мальчику, они решили собрать, сколько могли, денег для его семьи. Им удалось собрать немного – мальчик просил пятьдесят рупий, а набралось только сорок.

Затем последовало еще одно письмо, снова на имя Бога, в котором мальчик написал: «Дорогой Сэр, пожалуйста, в следующий раз, когда вы будете высылать мне деньги, направляйте их непосредственно мне, а не через почту. Они взяли свои комиссионные – десять рупий!»

* * *

Ситуация весьма усложнилась бы, не будь у нас имен. И хотя в реальности имени ни у кого нет, это все равно прекрасная выдумка, она выручает. Имена нужны, чтобы другие могли обращаться к тебе, «я» необходимо, чтобы ты мог называть себя сам, хотя это всего лишь выдумка. Стоит тебе обратиться вглубь своего существа, как ты увидишь, что имя исчезло, представление о «я» исчезло; осталось только чистое существование, сущность, бытие.

И это бытие не отделено, оно не принадлежит тебе или мне; бытие – это бытие всего. Скалы, реки, горы, деревья – все является его частью. Оно всеобъемлюще, ничто не остается

вне эго. Все прошлое, все грядущее, эта огромная Вселенная – все охвачено им. И чем глубже ты станешь погружаться в себя, тем больше начнешь осознавать, что личностей не существует, индивидуальностей не существует. Существует лишь чистая Универсальность. На периферии у нас есть имена, эго, идентичность. Но стоит переместиться от периферии к центру, как всякая идентичность исчезает.

Эго – всего лишь полезный вымысел. Используй эго, но не позволяй себя одурачить.

«The Book of Wisdom», глава 16

Всегда ли нами руководит эго или случаются моменты, когда мы свободны от него?

Поскольку эго – лишь вымысел, случаются моменты, когда ты от него свободен. Раз оно – вымысел, оно может существовать лишь за счет твоей подпитки. Вымысел всегда нуждается в подпитке. Истина не нуждается в подпитке – в этом ее красота. А вымысел? Приходится постоянно его подкрашивать, всячески поддерживать, не то он тут же разваливается. Пока ты подпирал одну его сторону, другая дала крен.

Именно этим и занимаются люди на протяжении всей жизни – пытаются выдать вымысел за истину. Обзаведись еще деньгами – и сможешь получить эго побольше, посolidнее, чем у бедняка. Эго бедняка – тощее, эго потолще ему не по карману. Стань премьер-министром или президентом страны – и твое эго раздуется до небес. Такие люди не ступают по земле.

Вся наша жизнь, проведенная в гонке за деньгами, властью, престижем и тому подобными вещами, есть не что иное, как погоня за новыми подпорками, костылями для иллюзии. И все это время ты знаешь, что грядет конец. Чего бы ты ни достиг, смерть все равно это разрушит. Однако человек упорно лелеет тщетную надежду: а вдруг смерть заберет других, но не его.

И в каком-то смысле это так. Ты видел, что всегда умирали другие, а ты оставался – потому такой порядок вещей и выглядит верным, логичным. Тот скончался, этого не стало, – но ты-то продолжаешь жить. И ты, конечно же, соболезуешь им, провожаешь в последний путь, прощаясь навсегда, а затем снова возвращаешься домой как ни в чем не бывало.

Но не позволяй ввести себя в заблуждение, ведь все эти люди рассуждали точно так же. Однако никто не становится исключением. Смерть приходит и разносит вдребезги всю иллюзию твоего имени, твоей славы. Она приходит и попросту ровняет все с землей – даже следов не остается. Все, что бы мы ни делали в жизни, превращается лишь в надпись на воде – даже не на песке – на воде. Ты еще толком не написал – а следа уже нет. Ты даже не сможешь ничего прочесть; не успеешь начать, как все исчезает.

Однако мы упорно пытаемся возводить свои воздушные замки. Иллюзия нуждается в постоянной подпитке, постоянном увлиивании, день и ночь напролет. Однако никто не в силах быть бдительным двадцать четыре часа в сутки. Поэтому иногда, вопреки твоей воле, наступают моменты, когда эго ослабевает и реальность пробивается сквозь его барьеры.

Случаются моменты, свободные от экрана эго, – вопреки твоей воле, запомни. Каждый из нас так или иначе переживал подобные моменты.

К примеру, каждый раз, когда ночью ты проваливаешься в глубокий сон – столь глубокий, что отсутствуют даже сновидения, – эго испаряется, все иллюзии уходят прочь. Глубокий сон без сновидений – это маленькая смерть.

В таком сне эго исчезает полностью – ведь если ты не думаешь, не видишь снов, как ты можешь поддерживать вымысел? Но сон без сновидений очень недолог. Из восьми часов здорового сна на его долю приходится всего лишь не более двух часов. Однако именно эти два часа способны принести тебе возрождение. Если тебе удалось проспать два часа таким глубоким сном, то утро ты встретишь обновленным, свежим, бодрым. Жизнь снова станет будоражить,

ты воспримешь новый день как дар. Все вокруг заиграет новизной – ведь ты сам обновлен. И все вдруг наполнится красотой, – ведь ты очутился в прекрасном мире.

Что же произошло за эти пару часов, когда ты спал глубоким сном – тем, что Патанджали (и йога) называет *сущупти*, сном без сновидений? Эго исчезает. Именно исчезновение эго придает тебе жизненных сил, возрождает тебя. С исчезновением эго, даже пребывая в бессознательном состоянии, ты ощущаешь присутствие Бога. Патанджали говорит, что нет большого различия между *сущупти*, сном без сновидений, и *самадхи*, высшим состоянием буддовости, – большого различия нет, однако оно все же имеется. Разница в состоянии сознания. В глубоком сне ты бессознателен, в *самадхи* ты пребываешь в сознании, но состояние одно и то же. Ты устремляешься к Богу, перемещаешься в центр Вселенной. Ты исчезаешь на периферии и попадаешь в центр. И именно этот контакт с центром помогает тебе восстановить силы.

Будучи иллюзией, эго способно исчезнуть. Наилучшее время для этого – глубокий сон без сновидений. Потому осознай огромную ценность сна, не пренебрегай им ни по какой причине.

Вторым величайшим источником опыта безэговости является секс, любовь. Священники эго уничтожили, проклинали – теперь он утратил первозданную возвышенность. Столь долгое его угнетение породило в умах людей обусловленность. Даже когда они занимаются любовью, глубоко внутри они ощущают, что делают что-то плохое. Где-то внутри скребется вина. И так происходит даже с наиболее продвинутыми, передовыми людьми, даже с молодежью.

Внешне ты, возможно, и восстал против общества, с виду ты, возможно, и перестал быть конформистом. Но ситуация зашла очень далеко; дело не в том, чтобы протестовать внешне. Можно отрастить волосы – это дела не изменит. Можно стать хиппи и отказаться принимать душ – и это не изменит ничего. Можно любым возможным способом, который только взбредет тебе в голову, сделаться отщепенцем, – но и это не будет эффективным на самом деле, потому что все зашло очень далеко и подобные меры поверхностны.

Тысячелетиями нам внушали, будто секс – величайший грех. Эта мысль стала нашей плотью и кровью. И даже если сознание говорит тебе, что в сексе нет ничего плохого, то подсознание держит в узде отстраненности, страха, вины и ты уже не в состоянии отдаться процессу *тотально*.

Если ты можешь отдаться процессу любви *тотально*, эго исчезнет – в высшей точке, на пике наслаждения ты становишься чистой энергией. Ум не сможет функционировать. Это такой взлет энергии, что ум приходит в растерянность, он просто не знает, что ему делать. Он способен выполнять свои функции в нормальных ситуациях, но когда случается нечто абсолютно новое и жизнеутверждающее, он стопорится. А секс – это самая что ни есть жизнеутверждающая вещь.

Если ты сможешь полностью отдаться любовному экстазу – эго исчезнет. В этом очарование любви, это еще один источник Божественного проблеска – как и глубокий сон, только гораздо более ценный, потому что во сне ты бессознателен. Занимаясь любовью, ты остаешься в сознании – но отстраняешь ум.

Потому стала возможной величайшая наука Тантра. Патанджали и йога работали на границе глубокого сна; они избрали этот путь трансформации сна в сознательное состояние, дабы ты мог познать, кто ты и что ты собой представляешь в центре. Тантра избрала любовное слияние в качестве окошка к Богу.

Путь йоги очень долог, ведь процесс трансформации бессознательного сна в осознанный очень труден, он может длиться не одну жизнь...

Но путь, избранный Тантрой, гораздо короче – и куда приятней! Физическая близость может отворить окно. Все, что необходимо, – это искоренить обусловленность, навязанную священниками. Святые отцы опутали тебя условностями, чтобы самим стать посредниками, агентами между тобой и Богом, чтобы обрезать тебе прямой контакт. Естественно, тебе нужен

кто-то, кто свел бы вас, а священник при этом обрел бы свое могущество. Вот так духовенство и удерживало могущество веками.

Тот, кто поможет тебе установить контакт с силой, подлинной силой, сам станет могущественным. Бог – это подлинная сила, источник всей силы. Священники веками были могущественны – куда могущественнее королей. В наше время ученые заняли место священников – ведь они знают, как отворить двери к силе, скрытой в природе. Духовенство знало, как соединить тебя с Богом, а ученая братия обладает знанием того, как соединить тебя с природой. Но священникам нужно вначале разъединить вас, чтобы не осталось никакой индивидуальной связи между тобой и Богом. Они испортили ваши внутренние источники, отравили их. Они обрели огромное могущество, но лишили все человечество страсти, любви, наполнив вместо этого *чувством вины*.

Отбрось всякое чувство вины. Предаваясь любви, думай о молитве, медитации, Боге. Предаваясь любви, воскуривай ладан, воспевай мантры, пой, танцуй. Пусть твоя спальня будет храмом, священным местом. А занятия любовью пусть станут неспешными. Погрузись в этот процесс, смакуй его так медленно и грациозно, насколько только возможно. И ты удивишься. У тебя есть ключ.

Бог не отправил тебя в этот мир, не снабдив ключами. Но этими ключами нужно воспользоваться, их нужно вставить в замок и повернуть.

Любовь – еще одно явление, обладающее наиболее сильным потенциалом, где эго исчезает, но ты при этом остаешься в сознании, полном сознании, пульсируешь, вибрируешь. Ты – больше не индивидуум, ты растворяешься в энергии целого.

Затем постепенно, не спеша позволь этому состоянию стать образом жизни. То, что происходит на пике любви, должно стать твоей дисциплиной – не просто переживанием, а дисциплиной. Тогда что бы ты ни делал, куда бы ты ни направлялся... Рано поутру на восходе солнца испытай то же чувство, такое же слияние с бытием. Лежа на земле, наблюдая за усыпанным звездами небом, снова ощути слияние. Лежа на земле, почувствуй, как ты сливаешься с ней.

Занимаясь любовью, мало-помалу ты обретишь ключ к пониманию того, как быть влюбленным в само бытие. И тогда ты воспримешь эго как вымысел, станешь относиться к нему как к иллюзии. А при таком к нему отношении оно больше не будет представлять угрозы.

Существуют другие моменты, когда эго исчезает само собой. В моменты приближающейся опасности: ты ведешь машину и вдруг понимаешь, что аварии не избежать. Ты потерял контроль над управлением, и кажется, что нет никакого шанса уцелеть. Ты вот-вот врежешься в дерево или в несущийся навстречу грузовик либо свалишься в реку – наверняка. В подобные моменты эго тебя покидает.

Вот потому опасные ситуации очень влекут. Люди взбираются на Эверест. Это глубокая медитация, отдают они себе в этом отчет или нет. В альпинизме кроется большой смысл. Восхождение в горы опасно – и чем оно опаснее, тем прекраснее. Ты ощутишь вспышки, яркие вспышки безэговости. Когда приходит опасность, ум останавливается. Ум может функционировать, лишь когда опасность не угрожает, в момент угрозы ему нечего сказать. Опасность будит в тебе спонтанность, и в этой спонтанности ты вдруг понимаешь, что ты – уже не эго.

Или же кому-то – ведь все люди разные, – тонким натурам способна отворить двери красота. Один только вид красивой женщины или мужчины, проходящих мимо, один только внезапный проблеск красоты – как эго тут же исчезает. Ты потрясен.

Или вид лотоса в пруду, заката либо парящей птицы – всего, что затрагивает твою внутреннюю чувственную струнку, всего, что захватывает тебя на мгновение всецело, так, что ты забываешь о себе, что ты словно перестаешь существовать, словно покидаешь себя, – тогда эго тебя тоже покидает. Оно – вымысел; ты вынужден подпитывать его. Но стоит тебе забыть о нем на миг, как оно испаряется.

И это замечательно, что случаются моменты, когда эго исчезает и ты ощущаешь проблески истинного и реального. Именно благодаря этим проблескам религия еще жива. Не благодаря священникам – они-то как раз сделали все, чтобы убить ее. И не благодаря этим так называемым верующим, толпящимся в церквях, мечетях и храмах. Вовсе они не верующие, а притворщики.

Религия не умерла благодаря таким редким моментам, происходящим в жизни почти каждого человека. Прислушивайся к ним, впитывай дух этих мгновений как можно интенсивнее, впускай их как можно чаще, создавай пространство, где бы их случилось больше. Это – верный путь к обретению Бога. Отринуть эго – значит обрести Бога.

«The Book of Wisdom», глава 16

Три «я» твоего «Я».

Твое «Я» состоит из трех «я»: Я-1 – это личность. Слово «личность»¹ происходит от греческого корня «персона». В греческой драме использовались маски, и голос актера звучал из-под маски. «Sona» означает «голос», а «per» – «через маску». Настоящего лица никто не видел – неизвестно было, кто играл роль. Была лишь маска, а сквозь нее слышался голос. Создавалось впечатление, будто эго издает сама маска, а истинного лица актера никто не знал. Слово «персональность» красиво, оно восходит к греческой драме.

И вот что произошло. В греческом театре была только одна маска. А у тебя их множество, маска на маске – как шелуха на луковиче. Стоит тебе убрать одну маску, как тут же появляется следующая, а за ней еще одна. Так можно снимать слой за слоем – ты удивишься, сколь много лиц ты носишь. Невероятное множество! Ты коллекционировал их на протяжении жизней. И все они рабочие – ведь тебе приходится так часто одну сменять другой.

Когда ты говоришь со своим слугой, ты не можешь иметь то же лицо, что и в разговоре с боссом. Они даже могут находиться в комнате одновременно: обращаясь к слуге, ты надеваешь одну маску, а к боссу – другую. Ты непрестанно меняешь декорации. Это дошло у тебя до автоматизма – их даже не нужно менять специально, они сами меняются. Глядя на босса, ты улыбаешься. Стоит тебе взглянуть на слугу, как улыбка тут же сходит с лица и оно приобретает суровость – в точности как у босса, когда тот обращается к тебе. Когда он смотрит на *своего* босса, то тоже улыбается.

За один недолгий момент ты можешь сменить маску сотни раз. Человеку нужно быть очень и очень бдительным, чтобы увидеть, как много у него лиц. Бесконечное множество. Им нет числа.

Это твое первое «Я», ложное «Я». Оно же – эго. Им снабдило тебя общество, это подарок общества – политиков, священников, родителей и педагогов. Они одарили тебя таким количеством лиц, чтобы сделать твою жизнь безоблачной. Забрав твою истину, они подсунули тебе подделку. И из-за всех этих поддельных лиц ты не знаешь, кто ты на самом деле. Да ты и *не можешь* знать – твои бесчисленные маски сменяются с такой скоростью, что ты уже сам себе не в состоянии доверять. Ты уж и не знаешь точно, которое из лиц твое. На самом деле ни одно из них не является твоим.

Как говорят люди дзэн: «Пока ты не познаешь свое истинное лицо, ты не сможешь познать Будду». Потому что Будда и есть твое истинное лицо.

Ты был рожден буддой, а живешь ложью.

Этот подарок общества следует выбросить. В этом и состоит значение *санньясы*, посвящения. Если ты – христианин, индуист или мусульманин, отбрось эту маску. Потому что это

¹ Англ. – *personality* – досл. «персональность». – Прим. перев.

– не твое лицо, им тебя наделили другие, они дали тебе эту обусловленность. Тебя даже не спросили, не попросили. Его тебе навязали – насильно, жестоко.

Все родители совершают насилие, все образовательные системы совершают насилие, потому что с тобой никто не считается. У них есть *априорные* идеи, с самого начала они знают, что *правильно*. И они втискивают тебя в это «правильное». Ты корчишься, вопиешь внутри, но ты бессилен что-либо сделать. Ребенок столь беспомощен и столь нежен – лепи из него что угодно. Этим как раз и занимается общество. К тому моменту, пока ребенок окрепнет, его уже искалечат тысячей и одним способом. Парализуют, отравят.

В день, когда ты захочешь стать религиозным, *отбрось религию*. В день, когда пожелаешь ощутить связь с Богом, отбрось всяческие концепции Бога. В день, когда у тебя возникнет желание узнать, кто ты есть, отбрось все ответы, данные тебе раньше. Все заимствованное следует сжечь.

Вот почему дзэн определяют как «Прямой путь к человеческому сердцу. постижение своей внутренней природы и обретение буддовости. Независимость от всякого рода буквы. Особый способ передачи знаний (истины), выходящий за рамки писаний».

Особый способ передачи знаний (истины), выходящий за рамки писаний... Коран не сможет тебе этого дать, равно как и Дхаммапада, Библия, Талмуд, Гита. Ни одно писание не способно дать тебе истину. Но если ты веришь писаниям, ты упустишь истину.

Истина – в тебе. Обнаружить ее можно лишь там. «Постижение своей внутренней природы и обретение буддовости. Прямой путь к человеческому сердцу». Не нужно никуда идти. Куда бы ты ни отправился, ты останешься все тем же, тогда какой смысл? Можно отправиться в Гималаи, но это ничего не изменит. Ты потащишь все то, что у тебя уже есть, с собой. Все, чем ты стал, все, чем тебя сделали, – всю свою искусственность ты потащишь с собой. Твои искусственные лица, заимствованные знания, твои писания – все вцепится в тебя изнутри. Даже уединившись в пещере в Гималаях, ты не будешь один. Рядом с тобой усядутся твои учителя, твои священники, политики, родители и все общество. Пусть они и незримы – но они там, толпятся внутри тебя. А ты так и останешься христианином, индуистом или мусульманином. И будешь продолжать твердить слова, как попугай. Ничто не изменится, ничего *не может* измениться.

Куда бы ты ни отправился – ты останешься собой. Хоть на Небеса, хоть в Гималаи. Ты не сможешь по-другому. Мир – не вовне, мир – это ты. Потому куда бы ты ни пошел, ты берешь свой мир с собой.

Истинная перемена происходит не со сменой места, происходит не снаружи – истинная перемена должна произойти в тебе. Что я имею в виду, когда говорю об истинной перемене? Я не говорю, что ты должен совершенствоваться: совершенствование – *очередная ложь*.

Совершенствование предполагает, что ты станешь полировать до блеска свою личность. Ты можешь придать ей потрясающий лоск, однако помни: чем более красивой она выглядит, тем более опасной становится – отбросить ее будет гораздо сложнее.

Потому часто случается так, что грешник становится святым. А ваши так называемые «порядочные» господа – никогда. Они не в состоянии – ведь их драгоценные *персоны* покрыты слоями декора и лоска, в личность каждого из них столько вложено; вся их жизнь была потрачена на внешнюю отделку. А теперь вот так взять и отбросить весь этот шик и блеск обойдется слишком дорого. Грешник может все отбросить – он не делал никаких вложений в совершенствование своей персоны. Она ему до смерти надоела, она кажется ему такой отвратительной. Но как порядочному человеку вмиг отречься от того, что ему так дорого? Оно служило ему хорошую службу, приносило столько дивидендов. Благодаря своему декору он становился все более и более почитаемым, поднимался все выше, достиг вершины успеха. Перестать взбираться по этой лестнице признания для него чрезвычайно затруднительно. Эта лестница не имеет конца, по ней можно идти до скончания века.

Когда Генри Форд находился на смертном одре, ему задали вопрос – он все еще вынашивал идеи создания новых предприятий и отраслей: «Сэр, ваши дни сочтены, доктора утверждают, что осталось недолго. И то они не уверены, все может случиться в любой момент. Какой смысл? Вы занимались этим всю свою жизнь. У вас денег больше, чем вы можете потратить, их девать некуда. Какой от них прок? Зачем вам и дальше развивать свои предприятия?»

На секунду Генри Форд прервал размышления, затем сказал: «Послушайте, я не могу остановиться. Это невозможно. Только смерть сможет меня остановить – сам я не в состоянии. Пока я жив, я буду стремиться к высшей планке. Знаю, что это бессмысленно, но остановиться я не смогу!»

Когда находишься на гребне успеха, очень трудно остановиться. Когда состояние растет, трудно остановиться, когда достигаешь славы, трудно остановиться. Чем более рафинированной личностью становишься, тем цепче все это впивается в тебя.

Итак, я не говорю, что следует совершенствоваться. Никто из великих мастеров, от Будды до Хакуина, не говорил о совершенствовании. Остерегайся так называемых «пособий по самосовершенствованию». Американский рынок завален книгами подобной тематики: осторожно! Ведь совершенствование никуда не приведет. Дело не в работе над собой – совершенствуясь, ты совершенствуешь ложь. Личность можно усовершенствовать – сделать более изысканной, более утонченной, более ценной, более благородной, – только это не будет *трансформацией*.

Трансформация наступает не при совершенствовании, а при полном устранении личности.

Ложь не может стать истиной. Невозможно усовершенствовать ложь настолько, чтобы она сделалась истиной. Ложь все равно останется ложью. Даже становясь все более похожей на истину, она останется ложью. И чем больше она походит на истину, тем больше ты вязнешь в ней, укореняешься в ней. Ложь может так маскироваться под истину, что ты забываешь о том факте, что она – ложь.

Ложь велит: ищи истину. Совершенствуй свой характер, свою личность. Ищи истину, стань таким, стань эдаким. Ложь подсовывает тебе все новые программы: сделай вот это – и все будет в ажуре, обретешь вечное счастье. Сделай то, сделай это. Не вышло? Не расстраивайся, у меня еще припасены планы для тебя. Ложь подбрасывает тебе планы, а ты в попытках их осуществить спускаешь свою жизнь в трубу.

Вообще-то само стремление обрести истину тоже исходит от лжи. Это непросто понять, но это *нужно* понять. Стремление к истине провоцируется самой ложью. Это ее способ самозащиты – она подбивает тебя устремиться на поиски истины, как же при этом ты будешь доволен своей личностью? И разве теперь ты сможешь обозвать ее ложью? Она стимулирует тебя, побуждает к действию, подталкивает на поиски истины.

Но поиски означают уход в сторону. Истина здесь, однако ложь заставляет тебя идти «куда-то туда». Истина сейчас, а ложь говорит «тогда» и «там». Ложь всегда говорит либо о прошлом, либо о будущем, но никогда – о настоящем. А истина – это настоящее. Именно в этом мгновении! Она – здесь и сейчас...

Итак, первое «Я» – это ложь, игра. Та псевдоличность, в которую ты облачен. Твое общественное лицо, дурацкий обман. Оно – липа. Общество навязало его тебе, а ты ему потворствуешь. Отбрось всякое содействие общественной жизни. Ты становишься собой, лишь полнотой обнажившись. Все одежды – от общества. Вся твоя идентичность и все представления о том, кем ты являешься, – сугубо социальные, навязаны другими. У них имеются свои мотивы навязать их тебе. Это – скрытая эксплуатация.

Настоящая эксплуатация – не экономическая либо политическая, настоящая эксплуатация – психологическая. Вот почему все революции, совершавшиеся до сих пор, потерпели поражение. До сегодняшнего дня ни одна революция не была успешной. Почему? Потому что все они проигнорировали факт глубинной психологической эксплуатации. Они все пытались добиться внешних перемен. Капиталистическое общество превращали в коммунистическое, но это погоды не делало. Становится ли демократия диктатурой, сменяется ли диктатура демократией – не имеет значения. Все эти перемены – лишь поверхностные, как спешное забеливание изъязнов, а глубинная структура остается незатронутой.

Что такое психологическая эксплуатация? Психологическая эксплуатация – это запрет быть самим собой. Это отказ воспринимать человека таким, каков он есть на самом деле. Это неуважение. Как можно кого-то уважать, не принимая таким, как есть? Если ты навязываешь что-то, а потом уважаешь, то уважаешь ты свою собственную ложь. Ведь ты испытываешь уважение не к их истинной сущности, не к их естеству. Ты не уважаешь их истинную природу, не уважаешь их спонтанность, не уважаешь их искренние слезы или искреннюю улыбку. Уважение у тебя вызывает только лицемерие, притворство, игра. Ты считаешь их игры.

Это «Я-1» следует полностью отбросить. Фрейд хорошо потрудился, чтобы открыть человечеству глаза на его многоликость, на изворотливость разума. Его революция куда более глубинна, чем революция, совершенная Марксом, чем вообще любая другая революция. И хотя она проникает глубоко, далеко она не уходит.

Она затрагивает только твое второе «я». Это – твое подавленное «я», инстинктивное «я», бессознательное «я». Оно – все то, что общество не позволяло тебе, все, что общество силой втиснуло в тебя и заперло на ключ. Оно прорывается наружу лишь в твоих снах, в метафорах, когда ты пьянеешь, когда теряешь контроль. В остальное время оно прячется даже от тебя. Но оно более аутентично, оно уже не подделка.

Фрейд проделал большую работу, открыв этот факт людям. Психологи-гуманисты, особенно группы личностного роста, группы встреч и тому подобные, сделали все, чтобы помочь тебе осознать все то, что взывает изнутри тебя, все, что было подавлено, задавлено. Это все – живая часть тебя. Это – твоя настоящая жизнь, естественная жизнь. Религии предали эту часть тебя проклятию как нечто животное, они прокляли ее как источник греха. Но она не источник греха, она – источник жизни. И она не ниже рангом, чем сознательное. Глубже – да, вне сомнения, но никак не ниже.

И ничего плохого нет в том, даже если она и животная. Животные прекрасны, равно как и деревья. Они и поныне наги в своей первозданной простоте. Их еще не уничтожили священники и политиканы, они все еще остаются частью Бога. Лишь человек сбился с пути. Человек – единственное ненормальное животное на Земле, все остальные животные нормальны. Отсюда их радость, грация, здоровье. Жизненная сила. Разве ты не замечал этого? Когда ты видел парящую птицу – неужели ты не завидовал? Разве ты не замечал жизненную силу в бегущем по лесу олене? Не завидовал чистой радости живой энергии?

А детям, разве им ты не завидовал? Не по этой ли причине ты порицаешь ребячество? Раз за разом. Монтегю был прав, заметив: вместо того чтобы сказать кому-то «Не будь ребенком», нам следует говорить «Не будь взрослым». Я полностью его поддерживаю.

Ребенок прекрасен, а взрослый олицетворяет уродство. Он больше не поток, он заблокирован со всех сторон. Он застыл, стал скучным и безжизненным. Он утратил живость, утратил энтузиазм, он попросту тянет ляжку. Его одолела скука, он лишился ощущения тайны. Он уже не способен ничему удивляться, он позабыл язык чуда. Таинственность покинула его. У него на все имеются объяснения – там нет места тайне. Вот он и лишился поэзии, танца и всех ценностей, придающих смысл и значение жизни, всего, что придает жизни вкус.

Это «второе Я» куда более ценно, чем первое. Вот почему я выступаю против всех религий, выступаю против всех священников – они цепко ухватились за первое, наиболее поверх-

ностное. Соверши переход ко второму. Но второе – еще не конечная цель; вот где Фрейд потерпел неудачу. И гуманистическая психология споткнулась там же: хотя гуманисты и копнули немного глубже Фрейда, им не удалось докопаться до третьего.

Ведь есть еще и третье «Я», «Я-3». Это – твое истинное «Я», настоящее лицо, скрытое под «Я-1» и «Я-2». Это – трансцендентное. Это – буддовость. Неделимая чистая осознанность.

Первое «я» – общественное, второе «я» – природное, третье «Я» – Божественное.

И помни, я не говорю, что первое совсем бесполезно. Коль существует третье, первое можно прекрасно использовать. Раз существует третье, второму тоже можно найти замечательное применение. Но лишь в том случае, когда есть третье. Если центр четко функционирует, то и на периферии, и на поверхности все о'кей. Но отсутствие центра – при наличии одной лишь поверхности – подобно смерти.

Вот что случилось с людьми. Вот почему на Западе такое количество «думателей» полагают, что жизнь бессмысленна. Вздор. Это мнение утративших связь с тем источником внутри себя, который порождает смысл.

Это как если бы дерево утратило контакт с собственными корнями. Оно не цветет. Оно теряет листву – листья опадают, а новые не появляются. Сок перестает течь, энергия иссякает. Жизнь покидает такое дерево, оно умирает.

И дерево начинает философствовать, делается экзистенциалистом, Сартром или кем-то еще в этом духе и берется утверждать, что в жизни нет цветов. Что жизнь лишена цветов, аромата, что нет больше никаких птиц. Дерево может даже заявить, что так было всегда, а древние лишь заблуждались насчет цветов – это все их воображение. «Так было всегда, никакой весны не было, люди все нафантазировали. У всех этих будд просто разыгралось воображение, фантазия, будто цветут цветы и кругом море радости, птиц и солнечного света. На самом же деле ничего этого нет. Все – мрак, случайность, все бессмысленно». Вот что может сказать дерево.

Но истина не в том, что все бессмысленно, что больше нет цветов или их вообще никогда не было, будто аромат – это чистый вымысел, а в том, что это дерево *утратило контакт с корнями*.

Пока ты не укоренен в своей буддовости, ты не сможешь расцвести. Ты не сможешь петь, не узнаешь праздника. А как ты сможешь узнать, что такое Бог, если не ощутил праздника? Если ты разучился танцевать – как ты сможешь молиться? Если ты разучился петь и любить, то для тебя Бог умер.

Бог – не мертв. Бог умер в *тебе*, лишь в тебе. Твое дерево высохло, сок в нем исчез. Тебе придется заново обрести корни. Где их отыскать? Корни обретаются здесь и сейчас.

«This Very Body the Buddha», глава 6

Глава 2

Идеалы

*Однажды медвежонок спросил маму – белую медведицу:
– А мой отец тоже был белым медведем?
– Разумеется, твой отец был белым медведем.
– А дедушка, – спросил мальчик спустя несколько минут, – дедушка тоже был белым медведем?
– Да, твой дедушка был белым медведем.
Проходит еще немного времени, и медвежонок вновь пристает к матери:
– А как насчет прадедушки? И он был белым медведем?
– Да, и он тоже. А почему это тебя беспокоит?
– Потому что мне очень холодно.*

Ошо, мне сказали, что мой отец был белым медведем. Мне сказали, что мой дед был белым медведем, мне сказали, что мой прадед был белым медведем, но я коченею от холода. Как мне изменить этот порядок вещей?

Мне довелось знать твоего отца, довелось знать твоего деда и прадеда тоже – все они точно так же коченели от холода. А их матери так же кормили их подобными байками – что и их отец, и дед с прадедом были белыми медведями.

Но стужа есть стужа. От всех этих рассказов никакого толку. Лишь еще одно подтверждение: даже белым медведям в стужу приходится несладко. Смотри на вещи реалистично, не поддаваясь влиянию традиций и не копаясь в прошлом. Холод есть холод. И утешение вроде того, что ты – белый медведь, вряд ли тебя согреет.

Человечеству всегда навязывали подобные утешения. Ведь если ты умираешь, то ты умираешь; даже если кто-то вдруг придет и скажет: «Не бойся, душа бессмертна», это не отодвинет твою смерть.

Я слышал историю об одном еврее, который упал прямо на улице с сердечным приступом. Собралась толпа, и все ждали кого-нибудь от религии – появления какого-нибудь верующего либо священника, – ведь умирал человек. Из толпы вышел католический священник – он не знал, кем является умирающий. Подойдя к нему, он спросил: «Веруешь ли ты? Признаешь ли ты, что веруешь в Святую Троицу – Бога Отца, Сына Его Иисуса Христа и Духа Святого?»

Умирающий еврей открыл глаза и говорит: «Моя кончина близка, а он тут загадки задает. Какое отношение эта троица имеет ко мне? Я умираю. Что еще за чушь ты городишь?»

Человек при смерти, а ты утешаешь его мыслью о бессмертии души. Подобные утешения бессмысленны. Кто-то испытывает страдания, а ты говоришь ему: «Не стоит страдать. Это всего лишь состояние твоей психики». Разве это ему поможет? Так ты только причинишь ему еще больше страданий. От всех этих теорий никакого проку. Их придумали, чтобы успокаивать, лгать.

Ты стынешь от холода. Вместо того чтобы выяснять, был ли твой отец белым медведем, подвигайся. Попрыгай, побегай, займись динамической медитацией – и ты не окоченеешь. Я

обещаю. Забудь все, что ты знаешь об отце, деде и прадеде. Прислушивайся лишь к своей реальности. Если ты коченеешь – сделай что-нибудь. А сделать всегда что-то можно. Но тебе это не приходит в голову; ты избираешь иной – ошибочный – путь. Ты будешь всех донимать вопросами, а твоя бедная мамочка, разумеется, примется тебя утешать.

Ты задаешь прекрасный вопрос, весьма существенный, колоссально важный.

Вот как выходит, что человечество погрязло в страдании. Прислушайся к страданию. Вглядишься в проблему и не пытайся отыскать ее решения вовне. Зри непосредственно в корень проблемы, и ты всегда найдешь выход там. Погрузись в сам вопрос; не ожидай от других ответа.

Например, ты можешь без конца вопрошать: «Кто я?» Пойди с этим вопросом к христианам, и тебе скажут: «Ты – сын Божий, Господь исполнен любви к тебе». И ты почувствуешь растерянность – разве Бог может тебя любить?

Священник говорит Мулле Насреддину: «Бог тебя безмерно любит».

Мулла спрашивает: «Но как же он может меня любить? Он ведь меня даже не знает».

На что священник отвечает: «Потому и любит. Мы тебя знаем и не можем любить – это слишком уж тяжело».

Или обратиться к индуистам – те ответят: «Ты сам – Бог». Не сын Божий, а Бог. Но при этом у тебя никак не прекращается головная боль, ты страдаешь мигренью и крепко призадумываешься: разве у Бога может быть мигрень? ...и так и не получаешь ответа на свой вопрос.

Если у тебя назрел вопрос «Кто я?» – не стоит ни к кому ходить. Сядь в тишине и обрати вопрос в глубь своего существа. Позволь ему звучать – не вербально. Экзистенциально. Пусть он станет стрелой, пронзающей сердце. «Кто я?» И позволь вопросу слиться с тобой.

Но не торопись получить ответ – он может принадлежать кому-то другому: священнику, политику, какой-либо традиции. Не полагайся в получении ответа на свою память – память полностью заимствована. Твоя память подобна компьютеру – она неживая. У нее нет ничего общего со знанием. Тебя им напичкали. Потому, когда ты спрашиваешь «Кто я?» и твоя память отвечает: «Ты – великая душа», будь осторожен. Не попадись в ловушку. Попросту отбрось весь этот хлам; это все вздор.

Просто не прекращай вопрошать «Кто я?»... «Кто я?»... «Кто я?»... и однажды ты почувствуешь: вопрос тоже исчез. Осталась лишь жажда – «Кто я?». Не сам вопрос, но жажда – все твое существо пульсирует жаждой знать «Кто я?».

Однажды ты увидишь, что даже ты исчез – осталась только жажда. И в этом кипучем, страстном состоянии твоего существа ты вдруг поймешь: произошел некий взрыв. Неожиданно ты столкнулся с самим собой и теперь знаешь, кто ты.

Нет смысла спрашивать отца, кто ты. Он не знает, кем является он сам. Нет смысла задавать этот вопрос своему деду или прадеду. Оставь вопросы! Не спрашивай свою мать, не спрашивай общество, не спрашивай культуру, не спрашивай цивилизацию.

Обратись к своему сокровенному центру.

Если действительно хочешь получить ответ, отправляйся внутрь; и из этого внутреннего опыта родится перемена.

Ты спрашиваешь: «Как мне изменить этот порядок вещей?» Ты не можешь ничего изменить. Прежде ты должен встретиться со своей реальностью, и сама эта встреча переменит тебя.

Один журналист пытался раздобыть материал для очерка, обратившись к пожилому, дряхлеющему господину из дома для престарелых, финансируемого государством.

– Отец, – допытывается бойкий журналист, – что бы вы почувствовали, если бы неожиданно получили письмо, где сообщалось бы о пяти миллионах долларов, завещанных вам неким забытым родственником?

– Сынок, – последовал неспешный ответ спустя какое-то время, – я бы чувствовал, что мне по-прежнему девяносто четыре года.

Понимаешь? Старик говорит: «Мне девяносто четыре года. Даже если я получу пять миллионов долларов, что мне с ними делать? Ведь мне так и будет девяносто четыре».

Сказанное Буддой, сказанное Махавирой, сказанное Христом не годится для тебя. Ты замерзаешь – тебе по-прежнему девяносто четыре года. Даже если все знания мира вложить в твою голову, это не поможет: ты так и не согреешься – не станешь моложе своих девяноста четырех. До тех пор пока в тебе не родится некое переживание, некое жизненно важное переживание, способное трансформировать твое существо, сделать тебя вновь молодым, наполнить жизнью, – все бессмысленно.

Потому не спрашивай никого. Это – первый урок, который необходимо усвоить. Обратись к себе. И помни: поскольку ответы уже заложены в тебе – а приходят будут именно они, – игнорируй их. Вопрос задан тобой, поэтому ничей чужой ответ тебе не подойдет.

Вопрос – твой, потому ответ тоже должен быть твоим.

Будда испил воды и удовлетворил жажду. Иисус испил – и испытал экстаз. Я испил – но разве это удовлетворит твою жажду? Тебе придется пить самому.

Случилось так, что император пригласил великого суфийского мистика к себе во дворец, чтобы тот сотворил о нем молитву. Мистик явился, но отказался возносить молитву, сказав: «Сие невозможно. Как я могу молиться за тебя? Существует несколько вещей, которые человек должен делать сам. Например, если ты хочешь заняться любовью с женой, тебе придется делать это самому. Я не смогу сделать этого вместо тебя. Если тебе нужно высморкаться – я не сделаю этого за тебя; это ничего не даст. Так же и с молитвой. Разве я могу помолиться вместо тебя? Ты должен молиться сам. Я могу возносить лишь свою молитву». С этим он закрыл глаза и погрузился в глубокую молитву.

Вот что я могу сделать. Для меня эта проблема решена, но она решилась не при помощи чьего-либо ответа. Я ни к кому не обращался с вопросом. В действительности все мои усилия были направлены на то, чтобы отбросить ответы, данные другими, – в избытке.

Люди непрестанно раздают советы. Советы сыплются из них, как из рога изобилия. В других вещах они вовсе не так щедры, но советовать – мастаки, воплощенная щедрость. Не важно, спрашивают их совета или нет, они всегда тут как тут.

Совет – единственная вещь, которую так щедро раздают и которую всегда отвергают. Никто не желает им воспользоваться.

Я слышал историю о двух бродягах, сидящих под деревом, один из которых говорит:

– Я оказался здесь, потому что никогда не слушал ничьих советов.

А другой отвечает:

– Приятель, а я здесь потому, что слушал всех.

Путешествие предстоит совершить тебе.

Ты коченеешь от холода, я знаю. Ты несчастен, я знаю. Жизнь – трудная штука, я знаю. Но мне нечем тебя утешить. Я вообще не верю в возможность утешения, ведь любое утешение – просто отсрочка. Медведица говорит своему медвежонку: «Да, твой отец был белым медведем», и какое-то время малыш борется с ощущением холода, – ведь белые медведи не должны мерзнуть. Но это не помогает. Он снова спрашивает: «Мама, а мой дед тоже был белым медведем?» Бедняга хочет понять, не вышло ли какого сбоя в его родословной – возможно, потому ему так холодно? Но мать говорит: «Да, твой дед тоже был белым медведем». Медвежонок

снова тянет время – но отсрочка в таком деле невозможна. Может, и удастся погодить немного – однако через время холод снова одолеет.

От реальности не убежать.

Теоретизирование не поможет. Забудь о всяческих теориях и приглядишься к фактам. Ты несчастен? Тогда загляни вглубь своего несчастья. Ты злишься? Обратись вглубь своей злости. Ты охвачен сексуальным желанием? Тогда забудь все, что другие говорят об этом; просто загляни в себя поглубже. Это *твоя* жизнь, и тебе ее проживать. Не заимствуй ее у других. Никогда не пользуйся ничем из вторых рук. Бог любит оригиналы. Он никогда не отличался любовью к людям, словно вышедшим из-под копирки. Будь новым, будь оригинальным, уникальным, будь индивидуальностью, будь собой и зри в самую суть своих проблем.

Я могу сказать лишь одно: в твоей проблеме уже кроется ее решение. Проблема – это лишь семя. Стоит заглянуть в нее поглубже, как из нее пробьется решение. Твое невежество – это семя. Стоит углубиться – и из него расцветет знание. То, что ты дрожишь, коченеешь от холода, – это проблема. Погрузись в нее – и тепло поднимется оттуда.

В действительности тебе дано все – как вопрос, так и ответ, как проблема, так и ее решение, как невежество, так и знание. Просто загляни внутрь.

«Ecstasy: The Forgotten Language», глава 4

У меня возникает чувство, будто людям кажется, что просто быть собой – недостаточно. Почему большинство из нас считают необходимым гнаться за властью, престижем и тому подобными вещами, вместо того чтобы просто оставаться людьми?

Это сложный вопрос. У него есть две стороны, и в обеих нужно как следует разобраться. Первое: тебя никогда не принимали таким, какой ты есть, – ни родители, ни учителя, ни соседи, ни общество. Все, кому не лень, пытались тебя исправить, сделать лучше. Все указывали на твои недостатки, ошибки, промахи, слабости, моральное несовершенство – на все, что свойственно обыкновенному человеческому существу. Никто не подчеркивал твоей красоты, никто не замечал твоего ума, никто не обращал внимания на твое величие.

Просто жить – это бесценный дар, однако никто никогда не учил тебя испытывать благодарность к бытию. Напротив, все только сердилось да ворчали. Естественно, когда все окружающее с самого начала указывает только на то, что ты – не тот, кем мог бы быть, постоянно навязывает тебе высокие идеалы, которым ты обязан следовать и которые должен воплотить в жизнь, твое естество никем не ценится. Восхваляется только твое будущее – удастся ли тебе стать кем-то почитаемым, влиятельным, состоятельным, эрудированным, в той или иной сфере прославленным, – а не просто остаться никем.

Постоянная обусловленность породила в тебе мысль: «Такой, как есть, я недостаточно хорош, чего-то недостает. Мне нужно быть где-то в другом месте – не здесь. Это место – не то, я должен быть где-то выше, быть могущественнее, влиятельнее, уважаемое, известное».

Это – лишь половина дела, но и это отвратительно, неприемлемо. Этого всего можно было бы избежать, если бы люди лучше представляли себе то, как быть матерями, отцами, учителями.

Недопустимо вредить ребенку. Его самоуважение, приятие себя должно расти – и от вас требуется способствовать этому. Вы же, напротив, становитесь препятствием для роста. Это и есть та ужасная первая сторона дела. Впрочем, это еще не самое худшее. Это можно отбросить, ведь совершенно очевидно, что ты не можешь быть в ответе за то, каким родился, – так распорядилась природа. И оплакивать пролитое молоко теперь – чистейшая глупость.

Гораздо важнее второе. Даже если всю эту обусловленность отбросить – лишить тебя заданной программы, убрать из твоей головы все дурацкие идеи, – тебя по-прежнему станет преследовать ощущение, будто в тебе чего-то недостает; но это будет уже совершенно другой опыт. Слова останутся прежними – опыт будет иным.

Ты ощущаешь несостоятельность потому, что можешь быть кем-то большим. Отныне это уже не вопрос славы, респектабельности, власти, богатства. Все это уже перестает тебя заботить. Твоя забота – это то, что ты являешься всего лишь семенем. Ты не рожден деревом, а только семенем, и твоя задача – прорасти и распуститься прекрасными цветами, и эти цветы – твоя удовлетворенность, твоя реализованность.

Это цветение не имеет ничего общего с властью, ничего общего с деньгами, ничего общего с политикой. Оно имеет отношение лишь к *тебе*; это – индивидуальный прогресс. Все прочие мотивы становятся препятствием, уводят в сторону, являются злоупотреблением естественного стремления к росту.

Каждый ребенок рождается, чтобы расти и стать полноценным человеческим существом, исполненным любви, сострадания, безмолвия. Он должен стать праздником внутри себя. И тут не может быть даже намека на соперничество или тем более сравнение.

Но первая ужасная обусловленность отвлекает тебя: стремление расти, стремление стать больше, чем ты являешься, стремление развиваться *используясь обществом*, крупными держателями капитала. Они уводят тебя в сторону. Они забивают тебе мозги, и ты начинаешь думать, что это стремление заключается в том, чтобы иметь больше денег, это стремление – быть всегда лучшим во всем – в образовании, в политике. Чем бы ты ни занимался, ты должен быть лучшим; чуть не дотягиваешь – и ты уже чувствуешь, что не так хорошо, у тебя развивается глубокий комплекс неполноценности.

Вся эта обусловленность порождает комплекс неполноценности – сообразно этим дурацким предрассудкам от тебя требуется стать лучшим, превзойти других.

Предрассудки втягивают тебя в состязание, соперничество с другими.

Они обучают тебя жестокости, борьбе.

Они внушают тебе, что средства не важны, значение имеет лишь конечная цель – успех.

И это удастся легко – ведь стремление к росту, к развитию заложено в тебе с рождения. Семени предстоит проделать долгий путь к тому, чтобы стать цветком. Это путешествие. Это стремление прекрасно. Оно – дар самой природы. Однако общество по сей день применяет свои уловки: поворачивает, перенаправляет, переводит в иное русло твои природные инстинкты в своих интересах.

Таковы эти две стороны, порождающие у тебя чувство: кем бы ты ни был, что-то все равно не так, тебе следует чего-то добиться, чего-то достичь, стать победителем, покорителем вершин.

Настал звездный час для твоего ума: разобраться, где проявляется твое природное стремление, а где – социальная обусловленность. Отсеки социальную обусловленность – она сплошь чепуха, – чтобы осталась чистая, незамутненная природа. А природа всегда индивидуалистична.

Ты будешь прорасти, затем расцветешь и, возможно, распустишься цветами розы. Другой вырастет и распустится ноготками. Ты, с розами, не лучше, а он – ничуть не хуже из-за своих ноготков. Вы оба расцвели, и это – главное; это цветение и приносит чувство глубинной удовлетворенности. Всякая фрустрация, всякое напряжение исчезают, тобой овладевает глубокая умиротворенность – умиротворенность, превосходящая понимание. Но сначала ты должен напроочь отсечь социальную ерунду, иначе она так и будет уводить тебя в сторону.

Ты должен быть богатым – но не состоятельным. Богатство – это нечто иное. Нищий может быть богатым, а император – бедняком. Богатство – это качество бытия.

Александр Великий встретил Диогена, нагого бродягу, у которого из всего имущества был один лишь фонарь. Диоген не гасил его даже днем. По всем признакам его поведение отдавало чужаковатостью; даже Александр не выдержал и спросил: «Зачем тебе фонарь при свете дня?»

Диоген поднял фонарь и, осветив лицо Александра, ответил: «Я ищу настоящего человека днем и ночью, но пока мне не посчастливилось его встретить».

Александр был возмущен тем, что какой-то голодранец посмел сказать ему, мировому завоевателю. Но он увидел, как прекрасен был Диоген в своей наготе. Его взгляд излучал спокойствие, а лицо – умиротворение, слова его имели вес, а само его присутствие так успокаивало, расслабляло и даже утешало, что Александр, хотя и был уязвлен, не смог подвергнуть его наказанию. Одного присутствия этого человека было достаточно, чтобы Александр выглядел нищим рядом с ним. Он записал в своем дневнике: «Впервые в жизни я почувствовал, что богатство – это нечто иное, чем обладание несметным состоянием. Я повстречал настоящего богача».

Богатство – это твоя аутентичность, искренность, твоя истина, твоя любовь, твое творчество, твоя чувствительность, твоя медитативность. Вот что является твоим истинным богатством.

Общество развернуло твою голову в сторону мирского, и ты полностью позабыл, что она не на месте.

Помнится мне один реально происшедший случай...

Дело было в Индии. Человек ехал на мотоцикле, и так как холод был жуткий, он надел пальто задом наперед, чтобы хоть как-то защититься от бьющего в грудь ветра. Навстречу ему, также на мотоцикле, ехал сардар² – сардары очень просты. Он не поверил своим глазам, подумав: «Да этот человек свернул себе шею!»

Он так испугался, что, поравнявшись с мотоциклистом, столкнулся с ним – тот свалился на землю, едва не потеряв сознание. Сардар наклонился над ним, воскликнув: «О Боже, что это с ним? До города очень далеко, до больницы еще дальше, но надо же что-то делать».

Сардары в Индии – очень сильные люди. А бедняга все еще лежал без сознания, поэтому сардар поднапрягся и развернул его голову – как раз в сторону застежек пальто. В этот момент подъехала полицейская машина, и стражи порядка заинтересовались происходящим.

Сардар им говорит: «Как вы вовремя! Взгляните на этого человека – он упал с мотоцикла». Полицейские спросили: «Он жив?»

Сардар ответил: «Он вроде был жив, когда его голова была повернута не в ту сторону. Но стоило мне поставить ее на место, как он перестал дышать».

И полицейские ответили: «Ты обратил внимание только на голову, но не увидел, что вовсе не голова была развернута – пальто было надето наоборот!»

На что сардар сказал: «Мы люди бедные, простые. Я никогда не видел, чтобы пальто надевали задом наперед. Я-то подумал, что произошел несчастный случай. Человек дышал, хотя и был без сознания. Я развернул его

² Уважительный титул у сикхов. – Прим. перев.

голову – было нелегко. Но если уж я чего захочу, то непременно добыю своего. Вот я и развернул его голову в сторону пуговиц. А он возьми да и перестань дышать. Вот странный тип!»

Твоей головой, твоим умом вертели столькими способами, столько людей – соответственно их видению того, каким тебе следует быть. И не потому, что они вознамерились причинить тебе вред. Твои родители поступали так из любви к тебе, твои учителя поступали так из любви к тебе, твое общество желало видеть тебя кем-то. Их намерения были очень даже хорошими, только вот их понимание оказалось примитивным. Они забыли, что невозможно вынудить календулу расцвести розовым кустом, и наоборот.

Все, что можно сделать, – помочь розам вырасти более крупными, более яркими, источать более изысканный аромат. Можно воспользоваться всеми мыслимыми химическими удобрениями для усиления цвета и аромата – использовать компост, качественную почву, соблюдать режим полива, – но невозможно заставить куст розы расцвести цветами лотоса.

И если приняться внушать кусту розы мысль о том, что он должен стать лотосом – конечно же, цветы лотоса крупны и красивы, – то он получит лишь искаженную обусловленность, ведущую к тому, что этот розовый куст никогда не даст цветов лотоса. К тому же вся его энергия будет направлена не в то русло, и он не сможет дать даже цветков розы – откуда ему взять энергию для цветения? А когда не будет ни лотосов, ни роз – разумеется, это бедное растение почувствует себя пустым, бесполезным, бесплодным, ненужным.

Именно это происходит с людьми. Из самых лучших побуждений собратья вертят твоей головой. В более совершенном обществе, где люди достигнут большего понимания, никто не станет менять тебя. Все примутся помогать тебе стать собой, ведь быть собой – это наибольшее богатство в мире. Будучи собой, ты сможешь получить все, что даст тебе чувство реализованности, все, что способно сделать твою жизнь значимой, наполнить ее смыслом. Просто будучи собой и следуя своей природе, ты сможешь реализовать свое предназначение.

Само по себе это стремление не является плохим, просто его направили не в то русло. И ты должен быть начеку, дабы никому не позволить манипулировать собой – какими бы хорошими ни были их намерения. Ты должен избавиться от толпы благожелателей, благодетелей, постоянно призывающих тебя стать тем-то, стать таким-то. Просто слушай их и будь им благодарен – они ведь не желают тебе зла. Но зло – это то, что происходит в результате.

Просто слушай свое сердце – своего единственного наставника.

В настоящем жизненном странствии твоим единственным наставником является лишь интуиция.

Приходилось ли тебе задумываться над словом «*интуиция*»? Оно имеет тот же корень, что и «*обучение*», «*наставление*»³. Обучение происходит под руководством учителей, извне; интуиция дается тебе твоей собственной природой – изнутри. У тебя есть собственный внутренний советчик. Призови лишь немного отваги – и ты никогда не почувствуешь себя никчемным. Возможно, ты и не станешь президентом страны, премьер-министром, не будешь вторым Генри Фордом – да это и не нужно. Ты сможешь стать прекрасным певцом, замечательным художником. И совсем не важно, чем ты занимаешься... Будь хоть сапожником.

Когда Авраам Линкольн стал президентом США... Его отец был сапожником, и весь сенат беспокоился тем, что сын сапожника теперь станет управлять самыми состоятельными людьми, элитой общества, свято верившей в свое превосходство из-за туго набитых кошельков и принадлежности к голубым кровям. Все члены сената досадовали, злились

³ Ср. англ. intuition – «интуиция», «наитие», «чутье» и tuition – «обучение», «наставление». – Прим. перев.

и не скрывали раздражения; никому не улыбался тот факт, что Линкольн занял пост президента.

Один из членов сената, весьма надменный буржуа, поднялся, не дав Линкольну начать его первую адресованную сенату вступительную речь, и сказал: «Господин Линкольн, перед тем как вы начнете, я хотел бы напомнить вам, что вы сын сапожника». И сенаторы расхохотались. Всем хотелось унижить Линкольна; никто не мог его сместить – его можно было лишь подвергнуть унижению. Но человека, подобного Линкольну, не так-то просто унижить.

Линкольн ответил: «Я чрезвычайно благодарен вам за то, что вы напомнили мне об отце, которого уже нет в живых. Я всегда буду держать в памяти ваш совет. Я знаю, что вряд ли смогу быть столь великим президентом, сколь великим сапожником был мой отец». В зале воцарилась гробовая тишина – то, с каким достоинством отреагировал Линкольн...

И он продолжил: «Насколько мне известно, мой отец шил обувь в том числе и для вашей семьи. И если ваши башмаки жмут или еще каким-то образом причиняют неудобства – и хотя я не бог весть какой сапожник, я с детства обучен обувному ремеслу, – я смогу их починить. Это относится ко всем членам сената: если ваши башмаки сшил мой отец и в них имеются какие-либо дефекты, изъяны – я всегда в вашем распоряжении, хотя наверняка и не сработаю так искусно, как мой отец. У него были поистине золотые руки». И слезы выступили у него на глазах при воспоминании о великом отце.

Вовсе не имеет значения, кто ты – третьеразрядный президент или первоклассный сапожник. Важно, что ты наслаждаешься тем, что делаешь, что ты вкладываешь всю силу в свое дело; что ты не хотел бы быть кем-то другим – ты являешься тем, кем и хотел быть, ты согласен с природой: роль, отведенная тебе в этой драме, – именно твоя роль, и ты ни за что не поменялся бы даже с президентом или императором. Вот истинное богатство. Вот истинное могущество.

Если каждый станет собой, то повсюду на Земле люди обретут могущество, колоссальную силу, знание, понимание, отыщут свою стезю и исполнятся радости оттого, что вернулись домой.

«The Transmission of the Lamp», глава 26

Слово «идеал» кажется мне грязным.

Слово «идеал» кажется мне грязным ругательством. У меня нет идеалов. Идеалы сводят с ума. Именно идеалы превратили наш мир в большую психушку.

Идеал означает, что ты не являешься тем, кем должен быть.

Он создает напряжение, беспокойство, мучения. Он разделяет тебя, превращает в шизофреника. Идеал – в будущем, но ты-то – здесь, в настоящем. А как ты сможешь жить, пока не станешь идеалом? Сначала стань идеалом, а потом живи себе – но этого никогда не происходит. Это не может произойти по самой природе вещей.

Идеалы неосуществимы – потому они и идеалы. Они доводят тебя до белого каления, сводят с ума. Ты клянешь себя – ведь до идеала не дотянуться. Возникает чувство вины. В действительности это именно то, чем занимаются священники и политики, – стремятся зародить в тебе вину. Для этого они и используют идеалы – механизм прост. Сначала нарисуй идеал, а вина подключится автоматически.

Вообрази, что я скажу тебе: двух глаз недостаточно, нужны три, ну-ка, живо открой третий глаз! Читай Лобсанга Рампу – открывай третий глаз! И ты прилагаешь невероятные усилия, изловчаешься и так, и эдак, стоишь на голове, читаешь мантру – а третий глаз все не открывается. И ты начинаешь испытывать вину – ведь тебе чего-то недостает, ты – неправильный. Ты ощущаешь подавленность. Принимаешься тереть третий глаз – а он все не открывается.

Остерегайся подобного вздора. Эти два глаза прекрасны. И даже если у тебя всего один глаз – это тоже здорово. Просто принимай себя таким, каков ты есть. Бог создал тебя совершенным, он не оставил в тебе ничего незавершенного. А если ты ощущаешь какую-то незавершенность, то она – часть совершенства. Ты совершенно несовершенен. Богу лучше знать: лишь в несовершенстве заключена возможность роста, лишь в несовершенстве есть движение, лишь в несовершенстве таится возможность свершения. Был бы ты самым совершенством – был бы неживым, словно камень. Тогда ничего не происходило бы, ничего не могло бы произойти. Постарайся понять меня правильно: Бог также совершенно несовершенен, иначе он давно бы уже умер. Он не дожидался бы, пока Фридрих Ницше заявит: «Бог умер».

Что бы делал этот Бог, если бы был совершенством? Он не мог бы ничего сделать, он был бы не волен что-либо предпринять. Он был бы лишен возможности роста – ведь двигаться некуда. Он просто бы торчал здесь. Он не смог бы даже покончить жизнь самоубийством – ведь если ты идеален, ты не проделяешь таких штук.

Прими себя таким, каков ты есть.

Я не заинтересован ни в каком идеальном обществе – ничуть. Я не заинтересован в идеальных индивидуумах.

Я вообще не заинтересован в идеализме!

По моему мнению, никакого общества не существует – есть только одни индивидуумы. Общество – это всего лишь утилитарная функциональная структура. Невозможно встретить общество. Тебе доводилось когда-либо встречать общество? А встречать человечество? А христианство, индуизм, ислам – доводилось? Нет, ты всегда встречал индивидуума – конкретного, во плоти, индивидуума.

Но люди всегда размышляли о том, как бы им преобразовать общество, как создать идеальное общество. И эти люди столько огородов нагородили! От них сплошь беды да несчастья. Из-за их идеального общества рушилось самоуважение людей, они у всех породили чувство вины.

Все чувствуют себя виновными, кажется, что никто не счастлив таким, каков он есть. Так можно вызвать чувство вины в чем угодно, и как только это чувство появляется, ты получаешь власть. Человек, породивший в тебе чувство вины, обретает над тобой власть – помни об этой стратегии, – потому что только он способен освободить тебя от нее. В этом случае ты должен обратиться к нему. Сначала священники порождают вину, а потом велят тебе идти в церковь. Ты должен идти к исповеди: «Я совершил этот грех» – и тебя прощают во имя Господа. Вначале во имя Господа они придумывают вину, а затем прощают тебя во имя Господа.

Послушайте эту историю...

Мать застукала Кальвина за совершением смертного греха и тотчас же отправила его исповедоваться.

– Отец, – сказал Кальвин, – я забавлялся сам с собой.

– Зачем ты это делаешь? – закричал не на шутку рассердившийся священник.

– Мне больше нечем было заняться, – признался Кальвин.

– В качестве наказания прочтешь пять раз «Отче наш» и пять раз – «Богородице, Дево, радуйся».

Неделю спустя мать Кальвина застала его за тем же занятием и снова отправила на исповедь.

– Отец, я забавлялся сам с собой.

– Зачем ты это делал?

– Мне больше нечем было заняться.

– В качестве наказания прочтешь десять раз «Отче наш» и пять раз – «Богородице, Дево, радуйся».

Еще через неделю Кальвин вновь проштрафился.

– А ну, марш на исповедь, – велела ему мать, – и отнеси этот шоколадный торт добрейшему отцу.

Однако в ожидании своей очереди Кальвин прикончил торт. В исповедальне он покался:

– Святой отец, мама передала вам шоколадный торт, но я его съел, стоя в очереди.

– Почему ты это сделал? – спросил священник.

– Мне больше нечем было заняться.

– Лучшее бы ты поиграл с собой.

Священнику нет никакого дела до того, что за безобразия ты там чинишь; у него свой интерес – шоколадный торт. А ты можешь отправляться на все четыре стороны! Делай все, что тебе вздумается, только не оставь его без шоколадного торта.

Они порождают вину, а затем прощают тебя во имя Господа. Делают из вас грешников, затем говорят: «Придите к Христу, Он – ваш спаситель».

Не существует того, кто мог бы тебя спасти, – в первую очередь потому, что ты не совершал никакого греха. Тебя не нужно спасать.

Я не ратую ни за какое идеальное общество. Умоляю, отбрось это наваждение, оно ввергло мир в сплошной кошмар. Помни – ничего нельзя добиться политическими мерами. Политике пришел конец. Кого бы ты ни поддерживал – правых или левых – избавься от иллюзий. Необходимо отказаться от идеи, будто какая-либо система может стать спасительной. Ни одна система не принесет спасения – ни коммунизм, ни фашизм, ни гандизм. Ни один тип общества не способен спасти тебя, и ни одно общество не может стать идеальным. Как не может быть спасителя – Христа, Кришны или Рамы. Отбрось эту галиматью, которой тебя напичкали, – о вине и о своей греховности.

Направь всю свою энергию в танец, празднование жизни. И ты поймешь, что *уже* идеален – здесь и сейчас, тебе не нужно *становиться* идеальным.

Идеология как таковая утратила истинность. Вообще-то, истиной там никогда и не пахло. И сила убеждения тоже исчезла. Лишь кучка недоумков до сих пор верит в то, что можно состряпать некий проект и путем социальной инженерии претворить в жизнь новую утопию общественной гармонии.

Мы живем в век высшей свободы. Мы достигли совершеннолетия.

Человечество вышло из детского возраста, стало более зрелым. Мы живем в Сократову эпоху – люди стали задаваться очень серьезными вопросами о жизни. Угаси пыл и непреодолимое рвение достичь некоего будущего идеала, идеи, совершенства.

Отбрось все идеи – живи здесь и сейчас.

«The Heart Sutra», Глава 6

Перфекционизм – основная причина всех неврозов.

Перфекционизм стал причиной всех неврозов. Пока человечество не избавится от идеи совершенства, ему не дано выздороветь. Сама идея совершенства повергла весь человеческий род в состояние безумия. Мыслить категориями совершенства означает мыслить категориями идеологии, целей, ценностей, «хорошо-плохо».

У тебя имеется определенный образец для подражания, и если ты не вступишь в него, то почувствуешь себя крайне виновным, грешником. Однако сам образец устроен таким образом, что достичь его невозможно. Если он достижим, то он не будет представлять большой ценности для эго.

Потому имманентным свойством идеала совершенства является его недостижимость – только в этом случае к нему стоит стремиться. Видишь противоречие? А это противоречие порождает шизофрению: ты пытаешься достичь невозможного, отлично осознавая при этом его недостижимость – обусловленную самой природой вещей. Если бы желаемое все же было возможным, то никакого совершенства в этом не было бы – ведь тогда это мог бы сделать кто угодно. Тогда эго лишилось бы источника питания: не на чем было бы расти и раздуваться. Эго нуждается в невозможном, а невозможное – так уж оно устроено – никогда не случается.

Поэтому остаются лишь две альтернативы. Первая – ты начинаешь испытывать вину. Если ты невинен, прост, умен, то непременно повинись, а вина – это разновидность болезни. Я здесь не для того, чтобы породить в тебе вину. Моя задача – полностью избавить тебя от нее. В тот момент, когда ты от нее освободишься, в твою жизнь ворвется праздник. Вина коренится в идее совершенствования.

Вторая альтернатива такова: если ты хитер, то станешь лицемерить, притворяться, будто уже достиг совершенства. Станешь водить за нос других и в какой-то момент попытаешься обмануть себя сам.

Ты начнешь жить иллюзиями, ложью, а это очень страшно, очень нерелигиозно, очень вредно.

Притворяться, вести жизнь лжеца куда более опасно, чем жизнь грешника. Грешник по крайней мере прост, но притворщик, лицемер, святой, так называемый мудрец, махатма – это мошенник. Он, в сущности, перестает быть человеком, проявляет нечеловечность прежде всего по отношению к себе, подавляет себя – только так можно притворяться.

Все то, что он считает в себе не соответствующим идеалу совершенства, следует подавить. Он станет закипать внутри, исполнится гнева и ярости. Эти гнев и ярость отыщут тысячу лазеек, через которые можно прорваться наружу, – тайком, окольными путями они проберутся на поверхность.

Даже люди, подобные Иисусу, – добропорядочные, милые – полны злости, гнева: они восстают против столь невинных вещей – в голове не укладывается. Иисус приходит в окружении своих последователей – толпы идиотов, называемых апостолами. Он голоден, как и вся его шайка. Они подходят к смоковнице, а там – не сезон. Дерево не виновато, однако Иисус так свирепеет, что проклинает бедное дерево, приговаривает его. Как же такое возможно? То он говорит: «Возлюби врага своего, как себя самого», то не может даже смоковнице простить отсутствие плодов весной.

Подобное раздвоение, подобная шизофрения царил в головах людей тысячелетиями.

Он говорит: «Бог есть любовь», хотя Бог управляет адом. Если бы Бог олицетворял любовь, то первое, что он должен был бы уничтожить, – это ад; ад следует немедленно сжечь, разрушить. Сама идея ада принадлежит очень ревнивому Богу. Но Иисус родился евреем, прожил жизнь еврея, умер евреем; он не был христианином, он не слышал слова «христианин». А представления евреев о Боге весьма непривлекательны. Как говорится в Талмуде – сие заяв-

ляет сам Бог, – «Я – Бог-ревнитель, я очень ревнив. Я суров. Я вам не добрый дядюшка!». Такой Бог уж точно придумает ад. На самом деле жизнь и в раю с таким Богом, – который тебе не дядюшка, который суров, ревнив, – станет адом. Что за рай вы унаследуете в итоге, живя с ним? Там будет царить деспотичная атмосфера, диктат – ни свободы, ни любви. Ревность не может сосуществовать с любовью.

Потому даже так называемые «хорошие» люди принесли человечеству много страданий.

Прискорбно, но мы никогда не задумывались над этими вещами. Мы никогда не пытались докопаться до нашего прошлого, а ведь корни наших страданий прорастают из прошлого. И хорошенько запомни: ваше прошлое находится гораздо больше под влиянием Иисуса, Махавиры, Конфуция, Кришны, Рамы, Будды, чем Александра Македонского, Юлия Цезаря, Тамерлана, Чингисхана, Надир Шаха. В книгах по истории упоминаются все эти личности, однако они не стали частью твоего бессознательного. Возможно, они и стали частью истории, но не являются слагающими твоей личности, твоя личность сформирована так называемыми «хорошими» людьми. Разумеется, они обладали и некоторыми позитивными качествами, но наряду с ними присутствовала двойственность, возникшая из представлений о *совершенстве*.

Джайны утверждают, что Махавира вообще не потел. Разве может совершенный человек потеть? Я могу – я несовершенен! Ведь потоотделение летом – это так здорово, что я не променял бы его на совершенство! А тело человека, утратившее функцию потоотделения, просто сделано из пластмассы, оно синтетическое, не дышащее, лишенное пор. Все тело дышит – вот почему ты потеешь; потоотделение – естественный процесс поддержания постоянной температуры тела. Махавира, должно быть, горел изнутри адским огнем! Как ему удавалось регулировать температуру тела? Без потоотделения этого сделать нельзя, это невозможно. Джайны также говорят, что, когда Махавиру укусила змея, из его ступни сочилось – не кровь – молоко! Но такое возможно, разве что если у Махавиры вместо ступней грудь, – а человеку с грудью вместо ног место в цирке!

В этом заключается их представление о совершенстве: у совершенного человека не может быть такой грязной вещи, такой мерзости – крови, он состоит всецело из молока с медом. Но только вообразите, какой смрад будет распространять человек, состоящий из молока и меда! Молоко прокиснет, а на мед слетятся все мухи и комары в окрестности, они облепят все его тело! Такое совершенство мне совсем не по душе.

Махавира столь совершенен, что у него отсутствуют мочеиспускание и дефекация – подобные вещи оставьте для несовершенных человеческих существ. Трудно вообразить себе Махавиру взгромоздившимся на сиденье унитаза – такое невозможно, – но куда же в таком случае девается все его дерьмо? Тогда он, похоже, – самый дерьмовый человек на свете! Я читал в одном медицинском журнале о наиболее длительном случае запора у человека – восемнадцать месяцев. Но эти медики не слышали о Махавире – представить только – *сорок лет*! Это – самый долгий период, в течение которого человек сумел контролировать свой кишечник. Вот где настоящая йога! Небывалый случай запора во всей истории человечества... и мне почему-то кажется, что никому не удастся побить этот рекорд.

Подобные идиотские представления жили веками, обрекая людей на страдания. Если твоя голова забита таким вот хламом – тебе суждено тащить на себе груз вины за все что угодно.

Я люблю этот мир за его несовершенство. Он не идеален – потому в нем и не прекращаются изменения, будь он идеальным, ему давно бы уже пришел конец. Рост возможен только благодаря несовершенству.

Совершенство подразумевает полную остановку, совершенство означает окончательную смерть; после его достижения двигаться некуда. Я хотел бы еще и еще раз подчеркнуть: я несовершенен, вся Вселенная несовершенна, и любовь к этому несовершенству, радость в этом несовершенстве – вот мое послание.

«The Goose is Out», глава 5

Не заботься о совершенстве.

Не заботься о совершенстве. Замени слово «совершенство» словом «тотальность». Отбрось мысли о необходимости быть совершенным, думай о том, как быть тотальным.

Тотальность подарит тебе иное измерение.

Вот мое учение: будь тотальным, забудь о совершенстве. Что бы ты ни делал, делай это тотально – не идеально, а тотально. В чем заключается отличие? Когда ты зол, перфекционист скажет: «Это нехорошо, не злись: совершенный человек не должен проявлять злость». Это полная чушь, ведь мы знаем, что Иисус бывал в гневе. Он не на шутку разозлился на традиционную религию, священников, раввинов. Он был так взбешен, что в одиночку, взяв хлыст, изгнал менял из храма. Он кричал не своим голосом, повергнув всех в испуг, – столь мощным и страстным было его негодование. Не случайно люди, ради которых он родился, вынуждены были его убить. Он рассвирепел, взбунтовался.

Помни, перфекционист скажет: «Ты не должен проявлять злость». Но где выход? Ты подавишь гнев, проглотишь его, он станет медленно отравлять твое существо. Возможно, у тебя и получится подавить его, но так ты станешь гневливым человеком – а это уже плохо. Вспыхивая лишь изредка, гнев выполняет свою функцию, он по-своему привлекателен, по-своему гуманен. Человек, не способный злиться, будет бесхребетником, слюнтяем.

Человек, не способный злиться, не сможет и любить – ведь и для гнева, и для любви требуется страсть, и она – одного свойства. Человек, не способный ненавидеть, не сможет любить; любовь и ненависть идут рука об руку. Такая любовь будет холодной. И помни – горячая ненависть куда лучше холодной любви. По крайней мере, она человечна – в ней есть накал, есть жизнь, есть дыхание.

А человек, утративший всю свою страсть, делается скучным, блеклым, вялым, вся его жизнь будет заражена гневом. Он не станет давать гневу выход, так и будет его подавлять. Гнев начнет копиться, слой за слоем, сделав человека злобным. Посмотрите на ваших так называемых *махатм* и святых – они злые люди. Они думают, что подчинили гнев, – но что можно сделать с контролируемым гневом? Только проглотить его. Куда он денется? Он – твой, он – часть тебя, он так и останется невыраженным в тебе.

Стоит только дать гневу выход, как ты от него освобождаешься. А на смену гневу может явиться сострадание; только громы и молнии стихнут – ты снова в состоянии ощутить безмолвие любви. Существует некий ритм между ненавистью и любовью, гневом и состраданием. Стоит отбросить одно – другое исчезнет. Ирония заключается в том, что, независимо от того, что ты отбросил, ты его всего лишь проглотил. Оно станет частью твоей системы. Ты просто будешь злиться без причины, твой гнев будет иррациональным. Он будет читаться в твоих глазах, в твоей грусти, в твоей угрюмости, твоей серьезности. Ты утратишь способность радоваться.

Когда я предлагаю заменить совершенство тотальностью, я подразумеваю следующее: когда ты зол – прояви свой гнев тотально. Стань гневом, чистым гневом. Он по-своему привлекателен. И мир станет куда лучше, когда мы примем гнев как часть человеческой природы, как часть игры противоположностей. Не может существовать Востока без Запада, не может быть ночи без дня, а лета – без зимы.

Мы должны принимать жизнь в ее тотальности. В ней заложен свой ритм, присутствует своя полярность.

«The Revolution», глава 2

Глава 3

Успех

Я всегда мечтал о том, чтобы завоевать мировую известность, стать богатым и успешным. Можешь ли ты помочь мне в осуществлении моего желания?

Нет, сэр, нет и еще раз нет, потому что твое желание самоубийственно. Я не могу способствовать твоему самоубийству. Я могу помочь твоему росту и становлению, но не могу помогать в совершении самоубийства, не могу способствовать твоему самоуничтожению во имя иллюзорной цели.

Амбиции – это яд. Если ты хочешь стать более умелым музыкантом, я могу тебе помочь, но не помышляй о мировой известности. Если ты хочешь стать более одаренным поэтом, я могу тебе помочь, но не помышляй о Нобелевской премии. Если ты хочешь стать хорошим художником, я могу тебе помочь – я содействую творчеству. Но творчество не имеет ничего общего с обретением имени, славы, успеха и денег. И я не говорю, что если все это придет, то ты должен отказаться, если все это придет – чудесно, наслаждайся им. Но не позволяй всему этому руководить тобой: когда человек сосредоточивает все усилия на достижении успеха, как он может стать настоящим поэтом? Если его энергия будет направлена в политику – о какой поэзии может идти речь? Если человек пытается разбогатеть – как он может стать настоящим художником? Вся его энергия устремлена на то, чтобы сколотить состояние. Вся энергия художника должна быть сосредоточена на рисовании, оно – здесь и сейчас. Богатство может появиться когда-то в будущем – быть может, да, а возможно, и нет. Нет никакой гарантии, все в руках случая – и успех, и слава случайны.

Но блаженство не приходит по воле случая. Я могу помочь тебе испытать блаженство, ты можешь писать полотна и пребывать в блаженстве. Приобретешь ли ты известность, станешь ли вторым Пикассо – не в этом суть, но я могу помочь тебе рисовать так, что этому процессу позавидовал бы сам Пикассо. Можно полностью исчезнуть в своем творчестве – вот настоящая радость.

Эти мгновения – мгновения любви и медитации; эти моменты Божественны.

Божественный миг настает, когда ты полностью исчезаешь, – когда границы стираются, когда на время ты перестаешь существовать – есть только присутствие Бога.

Но помочь тебе стать успешным я не могу. Я не против успеха – позволь еще раз подчеркнуть, – я не говорю, что не нужно быть успешным, я не имею ничего против, успех – это замечательно. Я говорю лишь, что не следует избирать его в качестве мотивации, иначе ты упустишь живопись, упустишь поэзию, упустишь песню, напеваемую в этот самый момент, и когда придет успех, ты встретишь его с пустыми руками, потому что невозможно состояться при помощи успеха.

Успех не способен ничем тебя напитать – он лишен питательных элементов, успех – это обыкновенное бахвальство.

Просматривая свою жизнь на исходе лет, понимаешь, что имя и слава не важны, все, что имеет значение в конечном счете, – это то, как ты проживал каждое мгновение своей жизни. Была ли она наполнена радостью? Была ли она праздником? А в мелочах – был ли ты счастлив? Принимая ванну, потягивая чай, моя полы, бродя по саду, беседуя с другом, сидя в тишине со своей возлюбленной, глядя на луну или просто слушая пение птиц – испытывал ли ты счастье

в эти минуты? Было ли каждое мгновение преображено сиянием счастья? Излучало ли оно радость? Вот что имеет значение.

Ты спрашиваешь, могу ли я помочь тебе в осуществлении твоего желания. Нет, ни за что, потому что твое желание – твой враг, оно уничтожит тебя. И однажды, когда ты наткнешься на библейское изречение: «*Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?*»⁴, ты расплачешься от отчаяния, а после скажешь: «Теперь уже поздно что-либо менять. Слишком поздно».

Я говорю тебе: прямо сейчас еще не поздно, еще можно что-то предпринять: можно в корне изменить свою жизнь – тотально. Я могу помочь тебе совершить алхимическое преобразование, но не могу предоставить никаких гарантий в мирском понимании. Я гарантирую всяческий успех во внутренней жизни; я могу сделать тебя богатым – богатым, как любого будду. Ведь только будды богаты; люди, жизнь которых наполнена сплошь мирскими вещами, не являются истинно богатыми, они – бедняки, дурачащие сами себя и других, будто обладают богатством. Глубоко внутри в них скрыт нищий, они не стали истинными императорами.

Будда вошел в один город, правитель которого раздумывал, стоит ли выходить к нему и принимать у себя. Его премьер-министр сказал: «Если ты не примешь его, тогда прими мою отставку – я не смогу больше тебе служить». «Почему?» – удивился король, но его подчиненный был непреклонен – а без него король был никем, этот человек стал настоящим ключом к его могуществу. Он спросил, почему тот так настаивал, зачем ему принимать бродягу. А премьер-министр, человек преклонных лет, сказал: «Ты – нищий, а он – император, вот почему. Иди и прими его, иначе ты не достоин служения».

Король не стал возражать. Он нехотя отправился на прием. Но вернувшись после беседы с Буддой, он коснулся стоп старика, своего премьер-министра, и сказал: «Твоя правда, он – король, а я – нищий».

Жизнь – странная штука. Иногда выходит так, что короли – это нищие, а нищие – короли. Не позволяй внешнему одурачить себя. Обращай свой взор вовнутрь. Сердце богато, лишь когда оно трепещет от радости, сердце богато, лишь когда оно пребывает в гармонии с Дао, с природой, с высшим законом жизни, с *дхармой*. Сердце богато, когда ты настраиваешься на одну волну с целым; это – единственно возможное богатство. Иначе однажды ты разрываешься и скажешь: «Слишком поздно...»

Я не могу помочь тебе разрушить твою жизнь, я здесь для того, чтобы обогатить твою жизнь, я здесь для того, чтобы наполнить твою жизнь изобилием.

«The Sun Rises in the Evening», глава 10

Необходимость быть успешным терзает тебя.

Тебя терзает необходимость быть успешным. Величайшее бедствие, постигшее человечество, – это идея успеха, необходимости быть успешным. А успех означает, что ты вынужден состязаться, вынужден сражаться всеми правдами и неправдами – все средства хороши. Стоит тебе преуспеть – все в порядке. Все дело в успехе. Годятся даже грязные средства: когда ты на коне, уже не важно, как ты этого добился. Успех меняет качество всех твоих поступков. Успех превращает преступные методы в благие.

Поэтому вас беспокоит единственный вопрос: как преуспеть? Как достичь вершины? И естественно, очень немногие могут ее достичь. Если каждый станет пытаться взобраться на

⁴ Мф 16: 26. – Прим. перев.

Эверест, сколько же людей там сможет поместиться? Там не так уж много места, там с легкостью поместится только один человек. И тогда миллионы прочих желающих столкнутся с поражением, в их душах поселится безграничное отчаяние. Им станет нехорошо.

Такое образование неправильно. Оно крайне ядовито – это так называемое образование, которое ты получил. Все эти школы, колледжи, университеты отравляют тебя. Они обрекают тебя на страдание, они – фабрики по производству преисподней, но под таким замечательным соусом – ни за что не разберешь, что на самом деле происходит. Весь мир превратился в ад из-за неверного образования. Любое образование, ставящее во главу угла амбиции, непременно породит ад на земле – как доказательство своей успешности.

Все страдают и ощущают собственную неполноценность. Вот уж где действительно странная ситуация. Никто не лучше и не хуже других, потому что каждый индивидуум уникален – разве можно проводить какие-то сравнения? Ты – это ты, и ты – это *просто ты*, ты не можешь быть никем другим, да в этом и нет никакой необходимости. И тебе не нужно становиться знаменитым, не нужно выглядеть успешным в глазах всего мира. Все это – дурацкие представления.

Все, что тебе нужно, – быть творческим, любящим, осознающим, медитативным... Если ты ощущаешь зарождающуюся внутри тебя поэзию – пиши стихи для себя, для своей женщины, для своих детей, своих друзей – и больше ни о чем не думай. Напевай их, а если никто не слушает – пой в одиночестве и наслаждайся! Отправляйся к деревьям – они станут аплодировать тебе, будут благодарными слушателями. Или поговори с птицами, животными – они поймут куда больше, чем безмозглые человеческие существа, которых столетие за столетием травили ложными представлениями о жизни.

Честолюбивый человек – это патология.

«The Fish in the Sea is Not Thirsty», глава 3

***Я чувствую, что я – особенный. Я настолько особенный,
что хочу быть просто обыкновенным. Пожалуйста,
не мог бы Ты как-то это прокомментировать?***

Каждый думает точно так же. Каждый человек глубоко в своем сердце знает, что он особенный. Это – шутка, сотворенная Богом над людьми. Создав нового человека и выталкивая его на Землю, он шепчет ему на ушко: «Ты особенный. Ты – несравненный, ты просто уникален!»

И все это он проделывает с каждым, и каждый несет это знание глубоко в сердце, хотя никто не произносит этого вслух, как ты, – ведь все боятся, что другие могут обидеться. И никого все равно не убедить, потому – какой смысл говорить? Если ты скажешь кому-то, что ты особенный, тебе не удастся его убедить: ведь он знает, что и сам особенный. Как можно убедить в этом кого-то? Разве что иногда кто-то и поверит, по крайней мере притворится, что считает так. Если ему что-то нужно от тебя, в качестве подкупа он признает: «Да, ты особенный, ты замечательный». Но глубоко внутри он знает – все это ради дела.

Один трепач рассказывает другу байки о трех своих машинах и прочей ерунде. Когда он упоминает также о двух любовницах, живущих на его содержании в Нью-Йорке, о сногшибательной красоте и невероятной чувственности секретарше, забеременевшей от него, и о роскошной блондинке-стенографистке, которую ему придется теперь взять с собой в командировку в Рио-де-Жанейро и сводить на карнавал, его друг внезапно начинает задыхаться, хватается за галстук и падает с сердечным приступом.

Герой прерывает свой треп, бежит за водой, бьет страдальца по щеке и все такое и участливо спрашивает, что случилось и чем он может помочь.
– У меня аллергия на чушь собачью, – отвечает тот.

Лучше держать подобную чушь при себе, хорошо припрятав, потому что у людей на нее аллергия. Но в каком-то смысле и хорошо, что ты раскрыл, что у тебя на уме.

Если ты считаешь себя особенным, то обрекаешь себя на неприятности. Если считаешь себя выше других, умнее других, то вырастишь огромное эго. А эго – это яд, чистый яд.

И чем более эгоистичным ты становишься, тем больше боли испытываешь, ведь это рана. Чем более эгоистичным ты становишься, тем большая пропасть возникает между тобой и жизнью. Ты выпадаешь из жизни, ты больше не в потоке бытия, ты стал камнем в реке. Ты стал холодным как лед, утратил все тепло, всю любовь.

Особенный человек не способен любить: где уж тебе найти другого особенного человека.

Я слышал об одном человеке, избегавшем уз брака всю жизнь, и когда он умирал в возрасте девяноста лет, кто-то спросил его:

– Ты так и не женился, но никогда не говорил почему. Сейчас, стоя на пороге смерти, удовлетвори наше любопытство. Если есть какой-то секрет, хоть сейчас раскрой его – ведь ты умираешь, покидаешь этот мир. Даже если твой секрет узнают, вреда это тебе не причинит.

Старик ответил:

– Да, я держу один секрет. Не то чтобы я был против брака, но я всегда искал идеальную женщину. Я провел все время в поисках, и так пролетела вся моя жизнь.

– Но неужели на всей огромной планете, населенной миллионами людей, половина из которых – женщины, ты не смог отыскать одну-единственную идеальную женщину?

Слеза скатилась по щеке умирающего старика. Он ответил:

– Нет, одну я все-таки нашел.

Спрашивающий был в полном недоумении.

– Тогда что же произошло, почему вы не поженились?

И старик ответил:

– Та женщина искала идеального мужа.

Твоя жизнь станет очень трудной, если ты будешь жить с подобными воззрениями. Ведь эго так хитро, так изворотливо, что быстро подsunет тебе новый план: «Ты такой особенный – стань просто обыкновенным человеком». Но даже в своей обыкновенности ты будешь уверен: ты – самый экстраординарный *обычный* человек. Другие не столь обычны, как ты! Это будет все та же игра в закамуфлированном виде.

Именно это и происходит с так называемыми смиренными людьми. Они говорят: «Я – самый смиренный. Я – всего лишь пыль на твоих стопах». Однако на самом деле они вовсе так не считают! Не говори им: «Да, я знаю», – иначе они никогда не смогут тебя простить. Они так и ждут от тебя слов вроде «Ты – смиреннейший человек из всех, кого я когда-либо встречал, ты – само благочестие». Только в этом случае они будут удовлетворены, довольны. За их смирением скрывается эго. Невозможно отбросить эго таким способом.

Ты спрашиваешь: «Я чувствую, что я – особенный. Я настолько особенный, что хочу быть просто обыкновенным. Пожалуйста, не мог бы Ты как-то это прокомментировать?»

Никто не является особенным – либо особенны все. Никто не ординарен – либо ординарны все. Что бы ты ни думал о себе, пожалуйста, думай то же самое о других, и твоя проблема решится сама собой. Ты волен выбирать. Если ты предпочитаешь слово «особенный», можешь считать себя особенным, но тогда все остальные – тоже особенны. И не только люди

– деревья, птицы, животные, камни – все сущее особенно, потому что ты – выходец из него и растворишься в нем. Но если ты предпочтешь слово «обыкновенный» – оно красиво, менее строго, – то знай: обыкновенны все. Все сущее становится обыкновенным.

Запомни лишь одно: что бы ты ни думал в отношении себя, относи это и к другим – и эго исчезнет. Эго – это иллюзия, порожденная мыслями о себе одним образом, а об остальных – другим. Это – двойственная политика мышления. Если ты отбросишь двойственное мышление, твое эго отомрет само собой.

«The Dhammapada: The Way of the Buddha», том 1, глава 4

Как мне побороть желание быть особенным?

Оттого, что ты *уже* особенный, нет необходимости становиться особенным. Ты *уже* особенный, ты *уже* уникальный – Бог никогда не создает меньшее.

Каждый из нас уникален, в высшей степени уникален. Никогда не было никого похожего на тебя, и впредь не будет такого человека, как ты, – никогда. Бог использовал эту форму в первый и единственный раз, потому нет никакой нужды стремиться стать особенным – ты *уже* им являешься. Если ты попытаешься стать особенным – ты станешь обыкновенным. Само это стремление произрастает из недопонимания. Оно рождает путаницу: твои попытки стать особенным означают, что изначально ты полагаешь – ты не особенный. Ты уже стал обыкновенным. Ты упустил суть.

И теперь, раз ты изначально считаешь себя обыкновенным, ты ломаешь голову, как же стать особенным? Ты испробуешь все способы, но так и останешься обыкновенным, потому что твоя основа, твой фундамент неверен. Да, ты можешь отправиться к кутюрье и заказать себе более элегантное платье, ты можешь изменить стиль прически, можешь воспользоваться косметикой, ты можешь нахвататься информации и стать более эрудированным, можешь изобразить нечто и считать себя художником, можешь проявить себя в той или иной сфере и обрести славу, известность, однако глубоко внутри ты все равно будешь знать, что ты – обыкновенный. Все эти вещи – лишь внешняя оболочка. Как ты можешь трансформировать свою обыкновенную душу в экстраординарную? Не существует такого способа.

А Бог и не оставил никаких способов, потому что он никогда не творит *обыкновенных* душ – чтобы не думать о твоей проблеме. Он *уже* наделил тебя особенной, экстраординарной душой. Он никогда не давал ее никому другому. Она сотворена лишь для тебя.

Мой совет тебе – осознай собственную неповторимость. Нет никакой необходимости стремиться к ней, она уже в тебе – просто осознай это. Погрузись в свою сущность и почувствуй. Даже отпечаток твоего большого пальца уникален – ни у кого нет похожего на твой. Ни у кого нет глаз, похожих на твои, нет голоса, напоминавшего бы твой, нет такого запаха, как у тебя. Ты – абсолютное исключение. В мире не существует твоего дубликата. Даже близнецы не похожи – какими бы похожими они ни казались, они разные. Они идут по жизни разными путями, различны способы их роста, они достигают становления как различные индивидуальности.

Нужно только осознать это.

Ты спрашиваешь: *«Как мне побороть желание быть особенным?»*

Просто прислушайся к этому факту. Просто углубись в себя и приглядишься – стремление быть особенным исчезнет. Когда ты поймешь, что ты *уже* особенный, желание стать им отпустит тебя. Если ты ожидаешь, что я вооружу тебя какой-то конкретной техникой по борьбе с этим желанием, то тебе навредит сама техника. Ты вновь станешь пытаться что-то предпринять, вновь попытаешься стать кем-то. Раньше ты пытался стать особенным, теперь пытаешься

не становиться особенным. Но все равно – усилия, усилия... совершенствование так или иначе, но никогда неприятие себя таким, каков ты есть.

Вот все мое послание: прими себя таким, какой ты есть, – ведь Бог принимает тебя. Бог уважает твою природу, а ты до сих пор не научился ее уважать. Будь несказанно счастлив оттого, что Бог дал тебе жизнь, что Бог позволил тебе существовать, видеть Его мир, слышать Его музыку, видеть Его звезды, видеть Его людей, любить и быть любимым – чего еще тебе желать? Радуйся! Я говорю снова и снова – радуйся всему этому! И в самом этом ликовании мало-помалу в тебе молнией вспыхнет осознание того, что ты неповторим.

Но помни: не как эго придет к тебе осознание собственной неповторимости на фоне остальных. Нет, в тот момент ты поймешь, что каждый человек особенный. Обыкновенных попросту нет.

В этом и заключается критерий: если ты считаешь, что ты – особенный, более особенный, чем тот мужчина, более особенный, чем вон та женщина, – то ты еще ничего не понял. Все это – игра эго. Ты особенный – но не в сравнении с другими, особенный – но не относительно кого-то, ты особенный таким, каков есть.

Одному дзэнскому мастеру задали вопрос – профессор пришел к нему и спросил:

– Почему я не такой, как ты? Я хочу стать похожим на тебя. Почему я не такой? Почему я не безмолвен, подобно тебе? Почему не мудр, как ты?

Мастер ответил:

– Подожди немного. Сядь в тишине. Наблюдай. Наблюдай за мной, наблюдай за собой. И когда все уйдут, я дам тебе ответ, если вопрос к тому времени еще будет тебя беспокоить.

Весь день люди приходили и уходили, ученики обращались к мастеру с вопросами, а профессор все больше и больше нервничал – время шло впустую. А ведь мастер сказал: «Когда все уйдут...»

Наконец наступил вечер, и они остались одни. Профессор сказал:

– Ну все, достаточно. Я прождал весь день. Так как насчет моего вопроса?

В этот момент восходила луна – была ночь полнолуния. Мастер спросил профессора:

– А ты разве не получил ответа?

На что профессор возмутился:

– Но ведь ты так и не сказал ничего.

Мастер рассмеялся. Он сказал:

– Я весь день давал ответы множеству людей. Если бы ты был внимателен, ты бы понял. Но раз так – выходи. Пойдем в сад, там видна полная луна и эта прекрасная ночь. – Затем мастер говорит: – Взгляни на этот кипарис. – В саду рос огромный кипарис, простиравшийся высоко в небо, почти до самой луны, луна словно висела в его ветвях. – И вон на тот невысокий куст.

Но профессор снова возмутился:

– О чем ты? Ты разве забыл о моем вопросе?

Мастер сказал:

– Я и отвечаю на него. Этот куст с кипарисом жили в моем саду на протяжении долгих лет. Я ни разу не слышал, чтобы куст спросил у кипариса: «Почему я не такой, как ты?», – и не слышал также, чтобы

кипарис спрашивал у куста: «Почему я не такой, как ты?» Кипарис – это кипарис, куст – это куст, и оба счастливы быть теми, кто они есть.

Я – это я, ты – это ты. Любое сравнение порождает конфликт. Сравнение привносит амбиции, сравнение привносит подражание.

Если ты спрашиваешь: «Почему я не такой, как ты?», если ты вознамеришься *стать* мной, – а это приведет к краху всей твоей жизни, – ты станешь подражателем, копией. А если ты подражатель, ты теряешь самоуважение.

Очень трудно встретить человека, уважающего себя. Почему это такая редкость? Почему отсутствует благоговение перед жизнью – твоей собственной жизнью? А если нет благоговения перед своей жизнью, то как ты можешь благоговеть перед жизнью других? Если ты не уважаешь свое существо, разве ты будешь способен уважать куст розы или кипарис, луну или людей? Разве сможешь ты почитать своего учителя, своего отца, мать, друга, жену или мужа? Разве ты сможешь уважать своих детей, когда не испытываешь уважения к себе?

Но встретить человека, уважающего себя, – огромная редкость.

Почему? Потому, что тебя учили подражать.

С самого детства тебе говорили: «Стань таким, как Христос» или «Стань таким, как Будда». Но зачем? Зачем тебе становиться таким, как Будда? Будда не стал тобой. Будда был Буддой. Христос был Христом. Кришна – Кришной. Зачем тебе быть таким, как Кришна? Что ты такого натворил, какой грех совершил, что должен стать вторым Кришной? Бог не создавал второго Кришну. Он не создавал второго Будду, второго Христа – никогда! Потому что Ему не по душе создавать одно и то же снова и снова. Он – творец, а не сборочный конвейер: один «форд», другой «форд», третий «форд» – «форды» выходят из Его рук, как с конвейера, один в один. Бог – не конвейерная лента. Он – творец оригиналов, Он никогда не повторяется.

То, что уже было, не будет представлять никакой ценности. Только вообразите Иисуса, снова находящегося среди вас. Он никуда не впишется! Он будет старомоден, будет антиквариатом, сгодится лишь в музее – больше нигде.

Бог никогда не повторяется. Но тебя всегда учили быть кем-то другим. «Стань кем-то другим – соседским сыном, например. Стань таким, как он. Посмотри, какой он умный. Посмотри... вон та девушка – как грациозно она двигается. Будь такой, как она!» Тебя всегда учили *быть таким, как кто-то другой*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.